

С. Г. БОЛОТОВ, М. В. ОСЛОН¹

«Правило Лескина – Отрембского – Смочиньского» и мнимые исключения из закона де Соссюра

В литовском склонении обнаруживаются формы, в которых усматривают исключения из закона де Соссюра: речь идёт, например, о формах *dat.pl.* существительных 2-й акцентной парадигмы (а.п. 2) типа *raĩkoms* ‘рукам’. Раньше их объясняли туманными аналогиями (в т. ч. с другими падежными формами), а В. А. Дыбо внёс поправку в формулировку самого закона де Соссюра, основываясь на некоторых аномалиях в литовском словообразовании. Мы рассмотрим эти отклоняющиеся формы, оценим правомерность поправки и предложим объяснение, делающее её избыточной.

1. Результаты действия и недействия закона де Соссюра

Закон де Соссюра в соссюровской же формулировке (*de Saussure 1922: 526*) гласит: „À une certaine époque anté-dialectale (du reste indéterminée), l’accent «s’est régulièrement porté de 1 syllabe en avant quand, reposant originairement sur une syllabe douce (*geschliffen*), il avait immédiatement devant lui une syllabe rude (*gestossen*)».“ ‘В некоторую эпоху, предшествующую распадению на диалекты (которая во всем остальном не определена), ударение «регулярно переносилось на последующий слог, когда оно падало на слог с циркумфлексной (*geschliffen*) интонацией, непосредственно после которого находился слог с акутовой (*gestossen*) интонацией»’ (перевод: де Соссюр 1977: 620).

Иллюстрацией этого закона служит в первую очередь литовское именное склонение, в котором две акцентные парадигмы — а.п. 2 и а.п. 4 — суть результат фонетического преобразования соответственно а.п. 1 и а.п. 3. Дадим все четыре акцентные парадигмы (*(i)õ-* и *(i)ã-*основы; подчеркнуты формы, определяющие это преобразование; в таблицу включаем также формы двух вторичных падежей — инессива = «локатива»² и иллатива; для наглядности приводим также маркировку флексий, представленную самим де Соссюром: *Z* — «*Oxytonaison dans zéro paradigme*»³; *Ω* — окситонеза в [первоначальной] подвижной [«*Mob.*»] парадигме; *α* — модификация, вызванная действием названного закона):

¹ Благодарим А. В. Андронova, М. Каповича, М. М. Колодяжного, С. А. Лашина, В. Ринкявичюса, В. Смочиньского, В. Е. Чернова, Р. Шептыньского.

² «Локативом» он называется только в синхронном смысле. Ниже «локативом» мы будем называть только древние формы без послелога. Об остальных двух вторичных падежах (адессиве и аллативе) см. разд. 5.

	а.п.:	1 = «Im.»	2 = «Im./α»	3 = «Mob.»	4 = «Mob./α»
ǫ-ОСНОВЫ:					
		‘бок’	‘палец’	‘парень’	‘дитя’
sg.	nom.	Z šónas	piřštas	bérnas	vaĩkas
	gen.	Z šóno	piřšto	bérno	vaĩko
	dat.	Z šónui	piřštui	bérnui	vaĩkui
	acc.	Z šónq	piřštq	bérnq	vaĩkq
	instr.	Zα šónu	<u>piřštù</u>	bérnu	<u>vaikù</u>
	iness.	Ωα šóne	<u>piřštè</u>	berne	vaikè
	illat.	Ω šónan	piřštan	bernañ	vaikañ
	voc. ₁	Z šóne	piřšte	bérne	vaĩke
du.	nom.acc.voc.	Zα šónu	<u>piřštù</u>	bérnu	<u>vaikù</u>
	dat.	Ωϕ šónam	piřštam	bernám	vaikám
	instr.	Ω šónam	piřštam	bernañ	vaikañ
pl.	nom.voc.	Ω šónai	piřštai	bernaĩ	vaikaĩ
	gen.	Ω šónu	piřшту	bernuĩ	vaikũ
	dat.	Ωϕ šónams	piřštams	bernáms	vaikáms
	acc.	Zα šónus	<u>piřštùs</u>	bérnus	<u>vaikùs</u>
	instr.	Ω šónais	piřštais	bernaĩs	vaikaĩs
	iness.	Ω ^α šónuose	piřštuose	bernuosè	vaikuosè
	illat.	Ωϕ šónuosna	piřštuosna	bernúosna	vaikúosna
ĩ-ОСНОВЫ:					
		‘брат’	‘слово’	‘козёл’	‘петух’
sg.	nom.	Ω brólis	žōdis	ožỹs	gaidỹs
	gen.	Z brólio	žōdžio	óžio	gaidžio
	dat.	Z bróliui	žōdžiui	óžiui	gaidžiui
	acc.	Z brólĩ	žōdĩ	óžĩ	gaidĩ
	instr.	Zα bróliu	<u>žōdžiù</u>	óžiu	<u>gaidžiù</u>
	iness.	Ω ^α brólyje	žōdyje	ožyjà	gaidyjà
	illat.	Ω brólin	žōdin	ožĩñ	gaidiñ
	voc. ₁	Ω bróli	žōdi	ožỹ	gaidỹ
du.	nom.acc.voc.	Zα bróliu	<u>žōdžiù</u>	óžiu	<u>gaidžiù</u>
	dat.	Ωϕ bróliam	žōdžiam	ožiaĩm	gaidžiaĩm
	instr.	Ω bróliam	žōdžiam	ožiañ	gaidžiañ
pl.	nom.voc.	Ω bróliai	žōdžiai	ožiaĩ	gaidžiaĩ
	gen.	Ω bróliu	žōdžiũ	ožiuĩ	gaidžiũ
	dat.	Ωϕ bróliams	žōdžiams	ožiaĩms	gaidžiaĩms
	acc.	Zα brólius	<u>žōdžiùs</u>	óžius	<u>gaidžiùs</u>
	instr.	Ω bróliais	žōdžiais	ožiaĩs	gaidžiaĩs
	iness.	Ω ^α bróliuose	žōdžiuose	ožiuosè	gaidžiuosè
	illat.	Ωϕ bróliuosna	žōdžiuosna	ožiuosna	gaidžiuosna

а.п.:	1 = «Im.»	2 = «Im./α»	3 = «Mob.»	4 = «Mob./α»
<i>ā</i> -ОСНОВЫ:	‘баба’	‘рука’	‘голова’	‘копыто’
sg. nom.	Ωα <i>bóba</i>	<i>rankà</i>	<i>galvà</i>	<i>nagà</i>
gen.	Ω <i>bóbos</i>	<i>rañkos</i>	<i>galvõs</i>	<i>nagõs</i>
dat.	Z <i>bóbai</i>	<i>rañkai</i>	<i>gálvai</i>	<i>nāgai</i>
acc.	Z <i>bóbq</i>	<i>rañq</i>	<i>gálvq</i>	<i>nāgq</i>
instr.	Zα <i>bóba</i>	<i>rankà</i>	<i>gálva</i>	<i>nagà</i>
iness.	Ω ^α <i>bóboje</i>	<i>rañkoje</i>	<i>galvojè</i>	<i>nagojè</i>
illat.	Ω <i>bóbon</i>	<i>rañkon</i>	<i>galvõn</i>	<i>nagõn</i>
voc.	Z <i>bóba</i>	<i>rañka</i>	<i>gálva</i>	<i>nāga</i>
du. nom.acc.voc.	Zα <i>bóbi</i>	<i>rankì</i>	<i>gálvi</i>	<i>nagì</i>
dat.	Ωϕ <i>bóbom</i>	<i>rañkom</i>	<i>galvóm</i>	<i>nagóm</i>
instr.	Ω <i>bóbom</i>	<i>rañkom</i>	<i>galvõm</i>	<i>nagõm</i>
pl. nom.voc.	Z <i>bóbos</i>	<i>rañkos</i>	<i>gálvos</i>	<i>nāgos</i>
gen.	Ω <i>bóbų</i>	<i>rañkų</i>	<i>galvų</i>	<i>nagų</i>
dat.	Ωϕ <i>bóboms</i>	<i>rañkoms</i>	<i>galvóms</i>	<i>nagóms</i>
acc.	Zα <i>bóbas</i>	<i>rankàs</i>	<i>gálvas</i>	<i>nagàs</i>
instr.	Ω ^α <i>bóbomis</i>	<i>rañkomis</i>	<i>galvomìs</i>	<i>nagomìs</i>
iness.	Ω ^α <i>bóbose</i>	<i>rañkose</i>	<i>galvosè</i>	<i>nagosè</i>
ill.	Ωϕ <i>bóbosna</i>	<i>rañkosna</i>	<i>galvósna</i>	<i>nagósna</i>
<i>īā</i> -ОСНОВЫ:	‘солнце’	‘земля’	‘площадь’	‘звезда’
sg. nom.	Ω <i>sáulè</i>	<i>žēmè</i>	<i>aikštē</i>	<i>žvaigždē</i>
gen.	Ω <i>sáulès</i>	<i>žēmès</i>	<i>aikštēs</i>	<i>žvaigždēs</i>
dat.	Z <i>sáulei</i>	<i>žēmei</i>	<i>áikštei</i>	<i>žvaigždei</i>
acc.	Z <i>sáule</i>	<i>žēme</i>	<i>áikšte</i>	<i>žvaigždē</i>
instr.	Zα <i>sáule</i>	<i>žēmè</i>	<i>áikšte</i>	<i>žvaigždē</i>
iness.	Ω ^α <i>sáulėje</i>	<i>žēmėje</i>	<i>aikštėjè</i>	<i>žvaigždėjè</i>
illat.	Ω <i>sáulèn</i>	<i>žēmèn</i>	<i>aikštēn</i>	<i>žvaigždēn</i>
voc.	Z <i>sáule</i>	<i>žēme</i>	<i>áikšte</i>	<i>žvaigžde</i>
du. nom.acc.voc.	Zα <i>sáuli</i>	<i>žemi</i>	<i>áikšti</i>	<i>žvaigždì</i>
dat.	Ωϕ <i>sáulèm</i>	<i>žēmèm</i>	<i>aikštém</i>	<i>žvaigždém</i>
instr.	Ω <i>sáulèm</i>	<i>žēmèm</i>	<i>aikštém</i>	<i>žvaigždém</i>
pl. nom.voc.	Z <i>sáulès</i>	<i>žēmès</i>	<i>áikštės</i>	<i>žvaigždės</i>
gen.	Ω <i>sáulių</i>	<i>žemių</i>	<i>aikščių</i>	<i>žvaigždžių</i>
dat.	Ωϕ <i>sáulèms</i>	<i>žēmèms</i>	<i>aikštéms</i>	<i>žvaigždéms</i>
acc.	Zα <i>sáules</i>	<i>žēmès</i>	<i>áikštes</i>	<i>žvaigždès</i>
instr.	Ω ^α <i>sáulėmis</i>	<i>žēmėmis</i>	<i>aikštémìs</i>	<i>žvaigždémìs</i>
iness.	Ω ^α <i>sáulėse</i>	<i>žēmėse</i>	<i>aikštèsè</i>	<i>žvaigždèsè</i>
ill.	Ωϕ <i>sáulėsna</i>	<i>žēmėsna</i>	<i>aikštėsna</i>	<i>žvaigždėsna</i>

В данных формах ударение сместилось с неакутового корня на следующую слог, который, соответственно, должен был быть акутовым на этапе действия закона де Соссюра. Акут в следующем за корнем слоге выявляют исходя из одного из двух соображений:

- (1) акутовость уверенно реконструируется — исконный акутовый слог сократился по закону Лескина:

ō-основы:	instr.sg.	*-ō̇ > *-úo > -ù
	iness.sg.	*-ēñ (послелог) > -è
	nom.du.	*-ō̇ > *-úo > -ù
ā-основы:	nom.sg.	*-ā̇ ⁴ > -ā ⁵
	acc.pl.	*-āṡ > -às
	instr.sg.	*-āñ̇ > -ā
	nom.du.	*-āī̇ > *-īe > -ì

- (2) акутовость явствует из соответствующей формы другой акцентной парадигмы (подвижной), где флексия стоит под ударением, ср. dat.pl. *-āmus > -óms в а.п. 3.

Однако второй пункт явно не срабатывает. В соответствующей форме а.п. 2 закон де Соссюра не действует. Его действие дало бы dat.pl. **rankóms, а не rañkoms. То же относится к dat.du. rañkom, instr.pl. rañkomis, instr.du. rañkom, где ударение не переходит на -o-. Форму instr.pl. с точки зрения закона де Соссюра вообще обсуждают редко — несомненно, в связи с тем, что в instr.pl. гласный -o- нигде в парадигмах не выступает под ударением, ср. galvomiṡ. Однако эта безударность, естественно, не имеет отношения к делу, т. к. закон де Соссюра, по единогласному мнению, действовал, когда интонацию имели и безударные слоги (иначе бы он не имел никакого смысла).

Накоренное ударение в формах типа rañkoms объясняли аналогическим выравниванием, в т. ч. с gen.sg. rañkos, gen.pl. rañku (Stang 1966: 289f.) или с формами dat.pl. других типов без акута (Vermeer 2009: 150, о чём см. ниже; Rinkevičius 2015: 33 сн.).⁶ Кроме того, имеется объяснение

³ ‘Z = отсутствие окситонезы во всех парадигмах’; далее: <Za = наличие окситонезы в П/а (= а.п. 4) и Н/а (= а.п. 2) // Ω = наличие окситонезы в П/а и П (= а.п. 3) // Ωа = наличие окситонезы в П/а, Н/а и П» (де Соссюр 1977: 622). Добавим к обозначениям де Соссюра: α — дусложные флексии, внутри которых можно усматривать перенос с первого слога на второй по закону де Соссюра; φ — флексии, на которые, вопреки «проверяемому» акуту, переноса, тем не менее, нет.

⁴ Здесь знак акута применяем безотносительно валентности (см. разд. 6).

⁵ Не будь этого сокращения, мы имели бы лит. **-ó.

⁶ Сам Ф. де Соссюр, насколько мы знаем, не упоминал этой проблемы. Видимо, усматривая тут маргинально-подвижное ударение, в т. ч. в dat.pl. *gālyāṁis >

Ф. Кортландта (Kortlandt 1975: 49–51) о выпадении ларингала в форме loc.pl. и аналогии в остальных формах (см. Olander 2009: 191, сн. 118).

Есть мнение, что закон де Соссюра (вопреки самому де Соссюру) затрагивал только последние два слога в слове (Seržants 2004: 114; Seržant 2004: 60). Оно неверно ввиду явственных следов закона де Соссюра в словообразовании — литовский язык изобилует примерами его действия в более, чем двухсложных словах, ср. асс. **septīniūos*⁷ > *septīnius* '7', *lāpas* (2) 'лист' → *lapuotas* (не **lāpuotas) 'лиственный' (de Saussure 1922: 528⁸; Дыбо 1977: 590–592, см. также LKI II: 173–174; подробности см. ниже).⁹

При этом в некоторых производных (только у Даукши) закон де Соссюра как будто всё-таки не действует (ниже мы это оспорим), что побудило В. А. Дыбо ввести уточнение к нему. Согласно этому уточнению, закон де Соссюра (по крайней мере, в литовском) переносил ударение с циркумфлекса на (1) следующий конечный акут — без ограничений — и (2) на следующий неконечный акут, только «если оба слога имели одинаковую акцентуационную валентность» (Дыбо 2000a: 94; 2000b: 53; о валентностях см. разд. 6). В литовском-де эта поправка объясняет интересующие нас формы типа *raiņkoms* (Дыбо 2000b: 74–75).

В. А. Дыбо и С. Л. Николаев с некоторых пор распространяют действие закона де Соссюра (с упомянутой поправкой) на славянский («закон Фортунатова»¹⁰, см. Дыбо, Замятина, Николаев 1993: 15). В частности, этот закон с поправкой объясняет различие между корневой долготой инфинитива и *l*-причастия в *i*-глаголах а. п. *b* в словинцком (Дыбо 2000a: 91; 2000b: 53), что позволяет возвести их, например, к прасл. *služīti, но **slūžīl̥b* > **slūžīl̥b* (в инфинитиве ударе-

galvōms (сначала как instr.pl. *galvomīs*), переноса ударения в формах типа dat.pl. *raiņkāmus он не ожидал, ибо за корнем шло безударное во всех акцентных парадигмах *-ā- (поэтому вопрос о его исконной акутовости не ставился).

⁷ Знаком ˘ обозначаем «безударный» (в древности) акут (см. разд. 6).

⁸ Де Соссюр приводит и глаголы: «*laiķyti (ai + ū) превращалось в *laikyti* [‘держать’], тогда как <...> *raīzuti* [‘резать’] не изменило места ударения» (де Соссюр 1977: 620; оригинал: de Saussure 1922: 526). Эти конкретные примеры сейчас неприемлемы в свете нового понимания правил порождения производных.

⁹ Того же мнения о действии закона де Соссюра только в конце слова придерживается В. Г. Складенко, объясняя ударение *lapuotas* правилами порождения производных (Складенко 1998: 36), что могло бы быть верно, только если бы производящее *lāpas* (2) было подвижным (но это не так).

¹⁰ Ранее этот закон решительно отклонялся для славянского, т. к. «никогда никем не был строго доказан и был принят лишь потому, что, казалось, он позволяет объяснить большинство фактов славянской подвижности ударения» (Дыбо 1981: 3; см. тж. Stang 1957: 15–20), т. е. он подразумевал совсем другую сферу действия (подвижность), нежели та, для которой стал применяться позже.

ние сдвинулось («по Соссюру») на акут в раннюю эпоху, и потом перед ним сократилась корневая долгота, а в *l*-причастии сдвиг произошёл уже при формировании а. п. *b*, так что корневая долгота осталась). Кроме того, поправкой в славянском объясняются формы типа др.-рус. *жéнамъ* (ср. рус. *жéнам*)¹¹, т. е. параллельные интересующим нас формам типа лит. *raĩkoms*. Кроме того, она проливает свет на т. н. новые оротоны в славянском (там же). В этой статье мы не обсуждаем славянскую часть закона де Соссюра и не высказываем мнения по поводу его применимости к славянскому (мнения соавторов отчасти разнятся), а рассмотрим лишь его балтийскую часть.¹²

В. Вермеер горячо критикует эту поправку Дыбо именно в связи с формами *dat.pl.*: “Assuming that de Saussure’s law as traditionally understood operated regularly in these forms, yielding *vietóms [‘местам’] etc., analogical restoration of stem stress is a completely natural reaction of the system, given the fact that in all other stem classes accent type (2) has stem stress in these forms. <...> Restoration of stem stress in *Dpl* <...> is so banal that Stang <...> sees no need to go to the trouble of explaining it.” При допущении, что закон де Соссюра в традиционном понимании регулярно действовал в этих формах, дав *vietóms [‘местам’] и т. д., аналогическое восстановление наосновного ударения — совершенно естественная реакция системы, притом что во всех других типах основ в а.п. 2 — наосновное ударение в этих формах. <...> Восстановление наосновного ударения в *dat.pl.* <...> столь банально, что Станг <...> не видит нужды утруждаться объяснением этого.’ (Vermeer 2009: 150) — но на самом деле Х. Станг как раз всё видит и даже этим «утруждается»: см. Stang 1966: 289–290.

Нам тоже эта поправка представляется избыточной, однако, в отличие от Вермеера, мы вовсе не считаем сам факт отсутствия результатов действия закона де Соссюра «столь банальным». Наш тезис состоит в том, что ударение сдвигалось с любого циркумфлекса на любой следующий акут (т. е. по закону де Соссюра в его первоизданном виде, без поправки), однако в обсуждаемых случаях условий для его действия просто не было. Для проверки этой гипотезы сначала рассмотрим литовский материал В. А. Дыбо.

2. Закон де Соссюра в литовском словообразовании

Выпишем из работы В. А. Дыбо (Дыбо 2006) акутовые суффиксы, в производных с которыми в текстах Даукши и в архаичных говорах со-

¹¹ Из этого необходимо следует рецессивность (а не вторичная доминантность!) тематического гласного в окончаниях *dat.pl.* лит. *-ó-ms*, прасл. **-ǎ-mъ* (см. разд. 6).

¹² Отметим сходство поправки Дыбо к закону де Соссюра и ошибочного, на наш взгляд, прочтения закона де Соссюра И. А. Сержантом и В. Г. Складенко: в обоих случаях закон модифицируется для позиций левее двух последних слогов, а в них остаётся не тронут.

храняется парадигматический выбор.¹³ Даём производные от слов а.п. 2 в контрасте с таковыми от а.п. 1:

доминантные:

- áus'-a-* (там же: 238f., 233f; DP): *truĩpas* (2) 'короткий' → *trumpiáusias* (превосх. степень) при *miélas* (1) 'милый' → *miéliciasias*;
- úot-a-* (там же: 227f.; Твяр.): *duĩblas* (2) 'ил' → *dumblúotas* 'илистый' при *miltai* (1) 'мука' → *miltuotas* 'запылённый мукой';

рецессивные:

- ĩng-a-* (там же: 140, 138f., 137; DP): *galià* 'мощь' (2) → *gálingas*¹⁴ / *galĩngas* 'могущественный' (см. ниже) при *káinas* (1) 'тело' → *kúningas* 'телесный';
- ýb-a* (там же: 156, 151, 150) *lābas* (2) 'добрый' → диал. *lābyba* / *labýba* 'добро' при *lygus* (1) 'ровный' → диал. *lygyba* 'равенство'.

По мысли В. А. Дыбо, перед двумя из этих суффиксов — а именно перед рецессивными — закон де Соссюра не действует (ср. примеры *gálingas* и *lābyba*). Оба эти примера — варианты (при *galĩngas* у Даукши и *labýba* в LKŽ). Помимо этих форм тезис о недействии закона де Соссюра призваны подтвердить ещё следующие производные у Даукши: *lobĩngas* 'очень богатый', *váisingas* 'плодоносный', *čũdingas* 'чудесный', *stebũklingas* 'чудесный'. При проверке этого материала, однако, становится понятно, что привлечение его к обсуждению закона де Соссюра вряд ли оправданно. Разберём отдельные слова:

Лит. диал. *lābyba*, *labýba* (LKŽ, с кратким ударением!), — скорее всего, леттонизм (так: LKŽ и Rinkevičius 2018: 206; продление *à* > *ã* в приводимом В. А. Дыбо варианте *lābyba*¹⁵ вряд ли отменяет его маргинальность, в отличие от нормального *labýba*), ср. также очевидный леттонизм *liecyba* 'привилегия' (у Даукантаса, LKŽ).

Др.-лит. *lobĩngas* «*lobĩngas*» — «*lobĩnga*» [DP 625₁₅] (1 раз) vs. acc.sg. «*lobĩnga*» [190₂₁] (1 раз); если первый вариант — не ошибка, то он согласуется с акцентной парадигмой производящего: *lobĩs* 'благо' у Даукши не только а.п. 2 (acc.pl. «*lobĩus*» [11₃₅, 100₂₇, 582₁₅, 614₁₄ и др. — всего 14]), но и а.п. 1 (acc.pl. «*lobĩus*» [525₄], «*lobĩus*» [543₄₀, 566₃₄, 574₄₀, 614₄]), что также

¹³ В старолитовских памятниках (в т. ч. у Даукши) отмечается место ударения, но ни долгота ударного слога, ни интонация.

¹⁴ Эта, а также другие формы Даукши, приводимые ниже без звёздочки по Дыбо 2006, нормализованы для «древнелитовского»; так, *gálingas* — форма, извлечённая из членной формы acc.pl.m. «*gáligũsiųs*» [DP 475₂₈]. Далее при необходимости для древнелитовского приводим нормализованную запись В. А. Дыбо.

¹⁵ Имеются и жемайтские говоры без удлинения *a*, *e* в некоторых позициях (LD: 104, п. «3»), и 450, карта № 5), но к данному случаю это не применимо, поскольку это касается перенесённого ударения, а В. А. Дыбо требует исконное.

соотносится с акутом в *lóbti* (при *lōbti*) ‘богатеть’ (LKŽ), причём вариант *lóbis* (а.п. 1) употребляется и в современном языке (В. Ринкявичюс, л. с.).

Др.-лит. *gālingas* встречается у Даукши лишь раз в членной форме асс. pl. m. ⟨gāligūfiūs⟩ [DP 475₂₈] при десятках *gālingas*. При большой пропорции диакритических опечаток в Постилле полагаться на этот пример определённо нельзя.

Др.-лит. *stebūklīngas* — у Даукши так чаще всего (более 10 примеров), но трижды и насуффиксальное ударение: m. gen. pl. ⟨stebuklīngu⟩, [DP 7₁₈], f. nom. sg. ⟨stebuklīnga⟩ [47₁₈], m. instr. sg. ⟨stebuklīngu⟩ [523₁₄], а также дважды с двойным ударением: f. instr. sg. (?) ⟨stebúklinga⟩ [9₆], f. nom. pl. ⟨stebúklingos⟩ [7₂₀]). Кроме того, нормализация *stebūklīngas* (с кратким *-u-*) может быть неверна ввиду распространённого варианта *stebūklīngas* (pace LKŽ) — от варианта *stebūklas* (1) ‘чудо’.¹⁶ Правда, у Даукши *stebūklas* имеет стабильную а.п. 2 (например, instr. sg. ⟨stebuklū⟩ [213₄]), но нельзя исключить, что, коль скоро производное на *-ingas* имеет у Даукши два варианта, то было и два варианта производящего (один из которых не попал в тексты), тем более, что а.п. 1 у слова *stebūklas* обильно представлена в т. ч. в говорах центральной Литвы (откуда родом Даукша)¹⁷.

Др.-лит. *čiūdingas* «*čiūdingas*» — у Даукши один раз (acc. sg. ⟨czūdinga⟩ [DP 599₄₄]); производящее *čiūdas* ‘чудо’ имеет у него а.п. 2 (4 показательных примера; заметим также, что это поздний славизм).

Др.-лит. *vaisingas* «*vaisingas*» — nom. pl. f. ⟨waifingofios⟩ [DP 171₃₈]¹⁸, а также сущ. ⟨wáifin|gumas⟩ [624₁₀], ⟨wáifingumas⟩ [627₁₈], но есть и ⟨wai-

¹⁶ Хотя LKŽ тоже даёт *stebūklīngas* в т. ч. из Даукши с, очевидно, произвольно поставленным кратким ударением (в LKŽ нет специального символа для неизвестного ударения из текстов без обозначения и долготы, и интонаций).

¹⁷ Впрочем, ⟨stebuklū⟩ [DP 35₁₅] теоретически может быть примером а.п. 1, если это instr. sg. (но скорее gen. pl. с непечатаемым носовым элементом), ср. контекст: «...o tú tīngi trūpuszjo wiétos pertekė[t] / idānt teip' ļaimu stebuklu wei|zōiklā iģitūmbei' «...а ты ленишься чуть-чуть мѣста пробежать, дабы тāk счастливым чудом [или: счастливых чудес] образ обрести’». Формально instr. sg. здесь возможен от nom. sg. *lāimas stebūklas* (вариант *laimas* вм. обычного *laimus* встречается у Даукши, см. LKŽ; LKIG II: 23).

¹⁸ Этот пример пропущен В. А. Дыбо, но не без основания, ибо в Постилле акут на неслоговых ⟨í, ú⟩ в составе дифтонгов нередко обозначает именно их неслоговость, так что при отсутствии других знаков (учитывая факультативность обозначения собственно ударения) такие примеры непоказательны; ср. без других знаков: ⟨Ewangelikaí⟩ [DP 75₄₁], ⟨daúgiaufei⟩ [453₄₉], ⟨waikus⟩ [410₃₂] и др.; с другими знаками: ⟨Christaús⟩ [9₄], ⟨waisius⟩ [303₅₁], ⟨būdaís⟩ [9₄], ⟨Ewangelikaís⟩ [345₂₇], ⟨klaúsikite⟩ [392₁₅] и мн. др. Кроме того, ⟨í, ú⟩ = /j/, ср. ⟨iīēmus⟩ [143₅], ⟨anoie⟩ [10₂₆], ⟨ataiimas⟩ [2₁₂], в т. ч. после согласных, где это может быть не только йот, но и

śingą» [55₄₉]. Производящее *vaisius* ‘плод’ у Даукши колеблется между а.п. 2 (с десятком показательных примеров) и, вероятно, а.п. 3 (или 1?): асс.пл. ⟨wāifius⟩ [DP 198₁₉]¹⁹, ⟨wāifius⟩ [487₂₄, 606₅₀] (тогда обсуждаемое производное — *vaisingas). Более того, в этом гнезде акут проявляется в глаголах *veisėti* (3.sg. praes. *veisi*) и *vaisėti* (3.sg. praes. *vaisėja*) ‘плодоносить’ (LKŽ). С этим акутом соотносится огласовка йотового глагола *veisia* (3.sg. praes. *veisia*) ‘плодить’ (не **viesti) (Ослон 2011: 134–138).²⁰

Видно, что ни одна из приведённых для иллюстрации недействия закона де Соссюра форм не может быть однозначно принята как неоспоримый довод.

Особую проблему представляет суффикс *-ybė* (Дыбо 2006: 218–226; Senn 1939; Rinkevičius 2018: 207), имеющий в диалектах и старом языке и акут (*-ybė*), и циркумфлекс (*-yḃė*). Акут виден у Даукши в формах типа асс.пл. *gerybės* ⟨gerībės⟩ [DP 57₂₈], instr.sg. *linksmybės* ⟨linxmbė⟩ [35₉], а циркумфлекс, возможно, по варианту асс.пл. *linksmybės* ⟨linxmbėbės⟩ [472₂₅]. У Даукши на этот суффикс по закону де Соссюра (?) ударение переходит факультативно, ср. варианты *biaurybė* / *biaurybė* ‘нечистота’, *drąsybė* / *drąsybė* ‘смелость’, *kantrybė* / *kantrybė* ‘терпение’, *suikybė* / *sunkybė* ‘тяжесть’ и др., однако здесь дело может быть в циркумфлек-

мягкость: ⟨mėdžiu <...> kuriós⟩ [DP 1₂₀], ⟨aukštibių⟩ [1₂₃], ⟨priwadžiób⟩ [1₂₉], ⟨βios⟩ [2₃₁], ⟨lobius⟩ [58₁₆], ⟨biaūribium̃⟩ [206₂₇] и тысячи др. Итак, в рассматриваемом примере ⟨wāifingofios⟩ [171₃₈] акут на ⟨i⟩ непоказателен, и, более того, из-за лигатуры ⟨fi⟩ акут в следующем слогое поставить было затруднительно или невозможно:

**nū iūsy. Neša fitai atais dienos / kuriosė bilos : Palaimin-
tos ne waifingofios / ir isciós kurlós ne gimde / ir krūris ku-**

¹⁹ В расшифровке знак долготы поставлен ошибочно вместо акута:

**Todrinag paskui to / Brolei / sergekimes gerėus / ir numire
nūdememus pakatinai / waifscioktine wiffadós nauibete givátos daria
dami wertus wāifius gaitėimo nūdemiu. Tū budū stóšimes bėdris
nikais Wiefpaties kėlimo iz numirusin / ir po numirumui
turėšime giváta amžina. Amen.**

²⁰ В работе Ослон 2011 увязывается распределение литовских дифтонгов *ei* / *ie* (оба < *eĭ) с интонацией и валентностью (см. разд. 6) содержащих их морфем. Так, циркумфлекс на дифтонге *eī* (а не более обычном *iē*) йотовых глаголов (ср. ещё *veikti* ‘делать’) довольно чётко коррелирует с акутом (в т. ч. поздним, в результате «неоапофонии» по В. Смочиньскому) в глаголах на *-ė* (ср. *veikėti* ‘мучить’), в связи с чем делается вывод о первичной акутовости таких йотовых глаголов (а циркумфлекс признаётся результатом закономерной метатонии, см. разд. 6). В частности, рецессивный корень *veis-/vais-* может содержать (нео)апофонический акут (Ослон 2011: 166), проявляющийся, быть может, в т. ч. и в производном *vaisingas.

совом варианте суффикса или во вторичности акута (в результате контаминации с *-yba*, Дыбо 2006: 226). Исключения из закона де Соссюра усматривать здесь нельзя (чего В. А. Дыбо и не делает).²¹

Помимо высказанных нами сомнений в надёжности задействованных В. А. Дыбо для обоснования его поправки форм, упомянем особенность Постиллы Даукши, указанную В. А. Дыбо. Дело в том, что тексте выделяются две неравноценные части: «зона первого наборщика» (до сс. 470–480) и «зона второго наборщика» (с этого места до конца, Дыбо 2006: 116f. сн. 2). Второго наборщика выдают жемайтские черты, в т. ч. нередко начальное ударение вместо парадигматического (родного Даукше аукштайтского). Таким образом, показательны для поправки Дыбо могут быть только формы из «зоны первого наборщика». Однако приводимые формы — сплошь из «зоны второго наборщика»: *⟨gáligũfiys⟩* [DP 475₂₈], *⟨lóbinga⟩* [625₁₅] (как, впрочем, и сам асс.pl. *⟨lõbius⟩* [525₄], *⟨lõbius⟩* [543₄₀, 566₃₄, 574₄₀, 614₄], свидетельствующий в пользу а.п. 1 у производящего *lobis*), *⟨wáifin|gumas⟩* [624₁₀], *⟨wáifingumas⟩* [627₁₈], *⟨szĩũdinga⟩* [599₄₄] (кроме *stebũklingas*, которое стабильно в обеих зонах, так что, как сказано выше, это с высокой вероятностью отражает вариант диал. *stebũklas*), а из «зоны первого наборщика» нет буквально ни одного примера на циркумфлекс, не перешедший на следующий (надёжный) акут.²²

Таким образом, высказывание В. А. Дыбо, что «наличие этого типа [с не действующим законом де Соссюра] не может быть объяснено какими-то вторичными причинами и является <...> дополнительным аргументом в пользу той поправки к закону де Соссюра, которую мы предложили (см. Дыбо 2000b)» (Дыбо 2006: 139²³), как нам кажется, не имеет под собой должных оснований, ибо сам этот тип вполне может быть (и скорее всего является) иллюзорным.

Итак, поправка Дыбо к закону де Соссюра не подтверждается литовским материалом. А поскольку она держится фактически лишь на этой горстке не вполне, как мы показали, достоверных примеров, вряд ли будет опророчивым поставить её под сомнение.

²¹ Суффикс *-ysta*, — возможно, акутовый (Дыбо 2006: 142–149), но и он не привлекается для иллюстрации недействия закона де Соссюра, т. к. подходит только позднее слово *karãlysta* ‘королевство; царств|о, -ие’ (от восточнославянизма *karãlius* ‘король’), и у Даукши гораздо чаще *karalysta* (в т. ч. с двойным ударением).

²² Некоторые неожиданные начальные ударения в «зоне первого наборщика» В. А. Дыбо называет «выбросами из зоны второго наборщика», но в примерах из обеих зон *⟨qẽruma⟩* [DP 337₉], *⟨gĩlume⟩* [400₂₀], *⟨grãzumo⟩* [169₅₀], *⟨gĩwata⟩* [569₃₃] и мн. др. подозревает ошибки (к закону де Соссюра они не имеют отношения).

²³ В библиографии к статье Дыбо 2006 по недосмотру отсутствует «Дыбо 2000b»; мы даём эту статью в библиографии к настоящей статье.

3. Двусложные окончания в склонении *ā*-основ

В склонении *ā*-основ несколько окончаний множественного и двойственного чисел с долгим первым гласным не вызывают действия закона де Соссюра: dat.pl. *-óms*, instr.pl. *-omīs*, iness.pl. *-osè*, dat.du. *-óm* (а также instr.du. *-óm* с циркумфлексом).

Как уже говорилось, в dat.pl. обычно постулируется акут. Традиционно эта форма реконструируется как **-ámus* > **-ómus* > *-óms* (праформа **galvámus*, например, у Дыбо 2000а: 56). Именно такое место ударения явствует из форм типа <naudómus> [DP 389₃]²⁴ (см. также LKIG I: 193)²⁵, где знак ударения не содержит сведений об интонации²⁶. Представление об акутовости этого окончания, кажется, происходит в т. ч. из славянского соответствия, ср. dat.pl. **golváťь*, а также из сегментного состава: **-ah₂-mus*.

При этом, однако, очевидно, что два других окончания множественного числа, а именно: instr.pl. лит. *galvomīs* ~ слав. **golvámi* и iness.pl. *galvosè* (и диал. *galvosù*) ~ **golváxь* — не сходятся в литовском и славянском по месту ударения. Это несоответствие — отдельная проблема (см. разд. 6), однако ясно, что оно подрывает и сопоставление dat.pl. *galvóms* ~ **golváťь*. Таким образом, реконструкция др.-лит. **-ámus* никак не поддерживается славянским.

Если instr.pl. *-omīs* (лит. *galvomīs*) ~ слав. **-āmi* (**golvámi*) — сегментно точное соответствие, то последний слог таких форм в литовском (краткий *-mīs*), очевидно, сокращён по закону Лескина (ср. слав. *-mi*)²⁷, значит, он исконно акутовый²⁸. У Даукши многократно: <mađómis> [DP 27₄₂], <dowanómis> [2₁₁], <dienómis> [88₉] и т. д.

²⁴ Тексты Даукши — практически единственный источник сведений о месте ударения до синкопы *-m[u]s* (но ни долгот, ни интонаций в них не видно).

²⁵ З. Зинкявичюс уверенно приводит в современной орфографии и с интонациями формы („tada buvo sakoma“ ‘тогда говорили’) *šakómus* ‘веткам’, *katémus* ‘кошкам’ (LKIG I: 193), т. е. акут в этих формах кажется ему достаточно очевидным для опущения звёздочки, хотя это лишь реконструкция.

²⁶ У Даукши встречаются и редкие примеры с ударным *-mīs*, по поводу которых имеются разные мнения, в т. ч. что это архаизм, диалектная инновация или опечатки (Zinkevičius 1975: 10; там же обзор), но по крайней мере часть из них может отражать «ритмическое ударение», каковое явно обильно представлено в Постилле (Дыбо 2006: 120–124 и мн. др.), ср. очевидный пример <aniémus Pharižéužamūs> ‘оним фарисеям’ [DP 276₅], где лексическое ударение — только первое (но есть и менее ясные случаи).

²⁷ Акутовость видна и не выходя за пределы литовского — по жемайтскому рефлексу *-mīs*, а не ***-mēs* (LKIG I: 195).

²⁸ У Даукши место ударения instr.pl. непоследовательно, ср. вариант <dienómis> [DP 63₂₈], но это литовское диалектное явление синкретизма падежей (LKIG I:

Различие в месте ударения между формами типа *galvòmus* и *galvo-mìs*, кажется, смущало исследователей; при этом ударение *-omìs* (и *-osè*) удивления у них не вызывало, а камнем преткновения было именно *-òmus*. Так, Хр. Станг (Stang 1966: 133) пишет (здесь только об *ò*-, *i*- и *u*-основах, но это, очевидно, относится и к *ā*-основам): »Diese Dativformen sind zwar nicht leicht zu erklären: Sie kontrastieren mit dem mobilen Schema, das, ausser im Dat. Pl., keine Kasusformen mit betonter Binnensilbe kennt. Ich glaube aber, dass sie ein Erbe der alten kolumnal suffixbetonten Klasse sind, die im Lit. in die mobile Klasse einverleibt worden ist. Vgl. die Betonung **-ǎmь*, **-ǎmi*, **-ǎхь* der mobilen *ā*-Klasse im Slavischen <...>. Ich bin also geneigt, hier mit altem, betontem *-ǎ*-, *-ǎ*-, <ǎ>*ǎ*- in der Binnensilbe zu rechnen.« 'Правда, эти формы датива нелегко объяснить: они контрастируют с подвижной парадигмой, которая, за исключением dat.pl., не знает падежных форм с ударным внутренним слогом. Я думаю, однако, что они являются наследием старых основ с колонным суффиксальным ударением, которое было внесено в подвижную парадигму. Ср. ударение **-ǎmь*, **-ǎmi*, **-ǎхь* подвижных *ā*-основ в славянском <...>. Так что я склонен полагаться на старые, ударные *-ǎ*-, *-ǎ*-, *-ǎ*- во внутреннем слоге'. Сюда сноска: »Vielleicht wäre daneben auch mit dem Einfluss der Adjektivformen auf *-iemus* (mit betontem *ie*) zu rechnen. Diese könnten ihrerseits von den Pronomina beeinflusst sein <...>.« 'Возможно, стоило бы, помимо этого, считаться с влиянием форм прилагательных на *-iemus* (с ударным *ie*). На них, в свою очередь, могли повлиять местоимения <...>'.

Соображение Станга о местоимениях (из его сноски) довольно странно, ибо неясно, почему в местоимениях «колонное» ударение, например dat.pl. *tíemus, кажется Стангу естественным, хотя в instr.pl.f. *tomìs* оно явно иное.

3. Зинкявичюс (LKIG I: 194): „Pažymėtina, kad lietuvių kalboje oksitonų daiktavardžių datyvai turėjo kamiengalio, o ne galūnės *-mus* kirtį. Juk iš *šakāmūs dabar būtų *šakōms. Ar dar anksčiau buvo kirčiuojama pati galūnė, tyrėjai ginčijasi.“ 'Надо отметить, что в литовском языке дативы окситонных существительных ударялись на конце основы, а не на окончании *-mus*. Ведь из *šakāmūs теперь было бы *šakōms. Ударялось ли еще раньше само окончание, исследователи спорят'²⁹.

196), вероятно, представляющее собой выравнивание по dat.pl., ср. <dienòmus> [DP 403₃₈]. Вопрос требует изучения, но в остальном исконность ударения в instr.pl. на *-mìs*, кажется, сомнений не вызывает.

²⁹ Упомянутая З. Зинкявичюсом закономерность (что падение ударного слога даёт в предыдущем циркумфлексе), на которую впервые указал Лескин, подробно обсуждается ниже (см. разд. 4).

Однако сами эти окончания наводят на мысль, что различие в месте ударения связано с законом де Соссюра. Во втором из них последний слог акутовый (*-*mīs*), а в первом — краткий (*-*mus*). Если дело в этом, то предыдущий слог не мог быть акутовым. Это заметил Т. Оландер: “it is perhaps more likely that the acute pre-LI *-*ā*² first became circumflex by analogy with the other stems and then was subject to Saussure’s Law” ‘быть может, вероятнее, что акут долит. *-*ā*² сначала стал циркумфлексом по аналогии с другими (т. е. краткими? — С. Б., М. О.) основами, а потом подвергся закону де Соссюра’ (Olander 2009: 191).

Предположение о циркумфлексе на этом *-*ā*- (на стадии действия закона де Соссюра) объясняет формы типа *raĩkoms*, *raĩkomis*, *raĩkose*, *raĩkom* (а не **rankóms, **rankómis, **rankóse, **rankóm). Смушавшая исследователей неполная «колонность» ударения двусложных окончаний в подвижных акцентных парадигмах снимается учётом закона де Соссюра:

dat.pl.	* <i>galuāmus</i>		> * <i>galvōmus</i>
instr.pl.	* <i>galuāmīs</i>	> * <i>galuāmīs</i>	> <i>galvomīs</i>
iness.pl.	* <i>galuāsēn</i>	> * <i>galuāsēn</i>	> <i>galvosē</i>
dat.du.	* <i>galuāMV</i>		> * <i>galvōMV</i>
instr.du.	* <i>galuāMŪ</i>	> * <i>galuāMŪ</i>	> * <i>galvomŪ</i>

Здесь iness.pl. *galvosē* — с акутовым послелогом *-*ēn* — вторичный падеж. О его происхождении спорят (см. разд. 7).

Как бы то ни было, если в двусложных окончаниях *-*ā*- было циркумфлексно, то в dat.pl. *raĩkoms* закона де Соссюра ожидать не следует, а акутовость dat.pl. -*óms* вторична. Мы попытаемся показать, что акутовость может быть связана с падением гласного в последнем слоге. Чтобы проверить возможность такого толкования, надо ответить на вопрос: **можем ли мы после редукции последнего слога ожидать акут на месте циркумфлекса на исконно долгом гласном?** Если удастся показать, что это так, то это исключение из закона де Соссюра окажется мнимым, что лишит неизбежности и уточнение к нему.

4. Сокращение окончаний первичных падежей — «правило Лескина–Отрембского–Смочиньского»

Переходя к важному для нас вопросу о падении (редукции, выпадении, отпадении) гласных в окончании после долгого предыдущего слога, дадим обзор типов этого явления в литовском. Если последний слог открытый, он падает бесследно: $-VC(C)V > -VC(C)$, и тогда это «апокопа» гласного, а если закрытый, то остаётся закрывающий согласный: $-VCVC > -VCC$ ³⁰, т. е. это «синкопа» (а не апо-

³⁰ На практике в этой ситуации последнее $C = s$.

копа) гласного. Однако для краткости все интересующие нас случаи будем условно называть именно апокопой, т. к. речь идёт о полном исчезновении последнего слога. Отпадал ли или именно выпадал гласный (т. е. открытым или закрытым был последний слог), кажется, не имеет значения для поведения предыдущего слога (синкопой же будем называть выпадение гласного непоследнего слога).

Интонация слога, становящегося последним после апокопы, зависит от ударности падающего слога: (1) если он ударен, то предыдущий слог получает циркумфлекс; если безударен (а ударен предыдущий) — акут. Эта закономерность, кажется, впервые замечена А. Лескином (Leskien 1919: 136–137, 139 и мн. др.), но только частично, ср. его примеры на вторичный циркумфлекс instr.sg. *akim̃* < *akimì* ‘глазом’, iness.sg. *sūnuj̃* (*sūnuĩ̃*)³¹ < *sūnujè* ‘в сыне’ и др. Что касается акута, то Лескин ограничивается диалектными формами типа *séns* < *sēnas* ‘старый’ (см. ниже).

Более полно указанную зависимость сформулировал Я. Отрембский (Otrębski I: 135–138) и дал примеры её действия не только при апокопе, но и при синкопе в середине слова, уделив внимание в т. ч. и вторичному акуту. Специально же вторичный акут разобран В. Смочиньским. В работе (Smoczyński 2003 = 2001), а также в неопубликованном тексте³² он приводит более обширный, чем у Отрембского, материал, свидетельствующий о регулярном образовании вторичных акутовых дифтонгов внутри слова перед выпадающим кратким гласным, ср. примеры на разные дифтонги:

- ái:* *dājina > *dáina* ‘песню’ (acc.sg.)
áu: *skēvetas > *skiáutas* ‘лоськут’
ái: **āli(k)sna* > *álsna* ‘ольшаник’
ár: *puliārikas > диал. *puliárkas* ‘бумажник’ (пол. *pulares*)
ám: *tāmista > *támsta* ‘ты’, *pāmušalas* > *pámšalas* ‘подкладка’
éi: **dvējetas, trējetas* > *dvēitas, trēitas* (но и *treītas*, LKŽ) ‘двойка, пара’, ‘тройка’
él: *kēlimas > *kélmās* ‘пень’, *vēlin(i)q* > *vēlniq (-j)* ‘чёрт’ (acc.sg.)
ém: *Nēmunas > диал. *Némnas* ‘р. Неман’
ér: *šērinās > *šérnas* ‘кабан’

³¹ Обозначение дифтонга в этом окончании как *-ij̃* принято в работах последних лет, а запись *-ij̃*, бывшая основной прежде, — видимо, по чисто типографским причинам (отсутствию литер *ĩ* или *ĩ̃*) — теперь считается непригодной (по крайней мере, для литературного языка, см. Stundžia 2014: 35 сл.). Впрочем, в диалектах это окончание как будто предстаёт с неоднозначной интонацией (см. LD: 248, где говорится о возможности большей ударности на неудлиняющейся первой части, что отражается как раз написанием *-ij̃*, при более обычном *-iĩ̃*).

³² Текст любезно предоставлен нам автором.

- ù:* *tùjenos* > *tùinos* ‘ты’ (произв. от *tù*)
ùl: *šùlinj* > *šùlnj* ‘колодец’ (acc.sg.) и др.
ìn: *Puniškas > *Punskas* ‘г. Пунск’ др.³³

В материалах В. Смочиньского приводятся случаи такого же развития с образованием вторичных дифтогов в конце слов при апокопе части падежного окончания (в т. ч. dat.pl. *-āmus* > *-āms*), каковые мы подробнее разберём ниже. Частично всё это уже было отмечено Отрембским, но — что важно нам — Смочиньский ввёл в рассмотрение ещё одну фонетическую позицию, а именно — апокопу конечного гласного после циркумфлексового дифтонга, за которым следует шумный согласный:

- án:* *idañti* > *idánt* (но и *idañt*) ‘чтобы’
éi: *jeibi* > *jéib* (но и *jeib*) ‘если бы’
én: *atpeñti (ст.-лит. *atpentī*) > *atpént* ‘вспять’

В. Смочиньский усматривает во всех таких случаях заместительное удлинение и специально указывает, что исконно краткие монофтонги в этой позиции не изменяются, ср. *vētušas* ‘старый’ > жем. диал. *vėčas* (Smoczyński 2003: 151), а также: *skėpeta* ‘платок’ > Дятлово *skėpta* (Vidugiris 1998: 597), *kėturios* ‘4’ > диал. *kėtrios* и мн. др., LD: 131ff. Форм с долгими монофтонгами перед апокопой он не рассматривает; их в рассмотрение введём мы; именно им, главным образом, посвящена эта статья.

Приведённые примеры синкопы и апокопы (в части из них можно усомниться, но большинство убедительны) относятся к нескольким временным пластам. Одни из них явно достаточно недавни, что явствует из их узкодиалектной природы (такова редукция окончания типа *sėnas* > *sėns*), а также из заимствованности слов (полонизм диал. *puliárkas* и др.)³⁴. При этом апокопа гласного в интересующих нас двусложных падежных окончаниях — совершенно точно общелитовская.

Предлагаем называть описываемую общелитовскую закономерность «**правилом Лескина–Отрембского–Смочиньского**». Покажем его действие в конце слова — пока только на примере форм первичных падежей и инессива (синхронно = «локатив»; остальные вторичные падежи — ниже, см. разд. 5, 7). Сделаем разбивку по ударности падающего слога, а также по исконному типу предыдущего слога (краткий : долгий; монофтонг : дифтонг):

³³ Я. Отрембский и В. Смочиньский собрали также случаи акута на монофтонгах в результате стяжения, например *sùvisu* (ср. *sùvis*) > диал. *sűsu* (а также *sùis*, *sùisu*) ‘совсем’, **žuy.stu* > *žűstu* ‘рыбачу’, относящиеся к этой же проблематике.

³⁴ Здесь мы не привели примеров вторичного акута в сложениях (о чём будет речь в замечании петитом на стр. 73 и сн. 40).

(i) апокопа ударного слога**(а) после безударного краткого монофтонга**

Когда падает ударный конечный слог, получается циркумфлекс:
существительные:

instr.sg.	<i>akimì</i>	> <i>akim̃</i> 'глазом'
instr.pl.	<i>akimìs</i>	> <i>akim̃s</i> (диал., литер. обычно <i>akim̃</i>)
instr.du.	* <i>akimV̇</i>	> <i>akim̃</i> 'глазами'
iness.sg.	<i>sūnujè</i>	> <i>sūnuj̃</i> 'в сыне'

местоимения:

nom.sg.	<i>anàs</i>	> <i>añs</i> 'он' (диал.)
acc.sg.	<i>manè</i>	> <i>mañ</i> 'меня' (диал., LD: 114)
	<i>tavè, savè</i>	> <i>tañ, sañ</i> 'тебя', 'себя' (диал., там же)
instr.sg.	<i>manimì</i>	> <i>manim̃</i> и т. д.
iness.sg.	<i>kamè</i>	> <i>kañ</i> 'где' (диал., LD: 319)

прилагательные:

iness.sg.m.	<i>baltamè</i>	> <i>baltam̃</i> 'в белом'
-------------	----------------	----------------------------

В результате апокопы в перечисленных случаях в предыдущем слоге (теперь последнем) возникает «вторичный дифтонг» с циркумфлексом³⁵. Это происходит — совершенно тривиально, — если слог теперь закрыт сонантом. Запись типа *akim̃* просто означает, что сам гласный *-i-* (вошедший теперь в дифтонг) сохраняет свою исконную краткость и безударность.

Морно это выглядит как ударение на ставшем конечным сонанте: $-VR\dot{V}(C) > -VR(C)$, т. е. это оттяжка с последней моры (в связи с её падением) на предыдущую. Это значит, что при апокопе ударение остаётся на той же море по счёту с конца.

(б) после безударного дифтонга

В основном, в особых оборотах:

<i>sudievù</i>	> <i>sudiē(u)</i> 'с богом'
<i>dienà</i> 'день'	> <i>diē(n)</i> (в разных тесных сочетаниях)
<i>pirmà, -ù</i> 'сперва'	> <i>pĩm</i> 'сперва', 'пéред, до'

Морно: $-VVC\dot{V} > -VVC$ (где *C* может быть сонантом).

В связи с тем, что в слове *sudiēu* на конце оказался сонант после дифтонга, возник вариант *sudiē* 'прощай', где избыточность «сверхдифтонга» (трифтонга) успешно устранена (то же в *diē*).

³⁵ Кое-где отдельная «средняя» интонация (LD: 36), однако в части говоров новые последние слоги получают обычный циркумфлекс, а старые — среднюю интонацию (Daugaviete 2011: 24).

(в) после безударного долгого монофтонга

Здесь тоже получается циркумфлекс. Если новый закрывающий согласный — сонант, то новое сочетание [долгий гласный] + [сонант] не записывается как обычный дифтонг (не считается таковым); в случаях сочетания долгого гласного (невозможного в исконных дифтонгах) и сонанта в закрытом слоге знак ударения ставится на гласном, в т. ч. если это циркумфлекс (*ōm, ōn, ēr, ŷl* и т. д.; если второй компонент сочетания — йот, то это так и записывается (*ōj, ēj*). В инесиве после апокопы в диалектах йот после долгих часто падает в *-ō(j), -ē(j)*, вариант же *-ŷ < -ŷj* — общелитовский (LD: 186):

существительные:

instr.pl.	<i>galvomis̃</i>	> <i>galvōms</i> (диал., ср. литер. <i>galvōm</i>)
instr.du.	* <i>galvomŷ</i>	> <i>galvōm</i> 'головами'
iness.sg.	<i>galvojė</i>	> <i>galvōj</i> 'в голове' (диал. <i>galvō</i>)
	<i>žolėjė</i>	> <i>žolėj</i> 'в траве' (диал. <i>žolė</i>)
	<i>akjė</i>	> <i>akŷ</i> 'в глазу' (диал. <i>akŷj</i>)
iness.pl.	<i>akysė</i>	> <i>akŷs</i> 'в глазах'

Морно: *-VVCŷ* > *-VVC* (где *C* может быть сонантом).

Возможно, сюда же можно отнести формы Куршата *kōks* 'какой' (так же *tōks* 'такой', *jōks* 'никакой' и т. д., Kurschat 1876: 241: „nirgend mehr *kokis*“ 'больше нигде нет *kokis*'³⁶).

(ii) апокопа безударного слога**(г) после ударного краткого монофтонга**

Всегда получается акут во «вторичном» дифтонге с сонантом:

существительные:

dat.pl.	<i>-āmus</i>	> <i>-āms</i> , ср. <i>žiedāms</i> 'цветам' (LD: 232–237, § 360)
	<i>-īmus</i>	> <i>-īms</i> , ср. <i>akīms</i> 'глазам'
	<i>-ūmus</i>	> <i>-ūms</i> , ср. <i>sūnūms</i> 'сыновьям'
dat.du.	<i>-āmV</i>	> <i>-ām</i> , ср. <i>žiedām</i> (LD: 205–206, § 265–266)

³⁶ Но ср. показания диалектов, вероятно, неизвестных Куршату, например Дятлово *kokis̃* (Vidugiris 2004: 223). Вариант Куршата *kōks* приводит LKŽ, опрометчиво приписывая ему а.п. 4, что, очевидно, неверно, ср. у него gen.sg. *kókio*, acc.sg. *kóki, kókĭ*. Если циркумфлекс Куршата не ошибочен, то *kōks* < (?) **kokis̃* (3), и, может быть, он получен из апокопы (при литер. *kóks* < *kókis* (1), об этом см. Otębski III: 156; LD: 318). В Прусской Литве формы без апокопы бытовали ещё в XVIII в., ср. словарь Руинга: «*Kōks, kià*», «*Tóks* <...> *f. Tokià*», «*Szōks, ßókia*», но «*Jokis, okià* <...> *Nejókis, ókià*» (Ruhig 1747, s.v.v.); правда, ударение «*Nejókis*» не подтверждает (хоть и не исключает) ударения **kokis̃* и т. д. в Прусской Литве.

$-imV > -im$, ср. *akim*
 $-imV > -im$, ср. *sūnim*

В местоименном склонении:

dat.sg. m.: $-amu(i) > -am$, ср. *tám* 'тому', *baltám* 'белому'
 f.: $*-aiV > -ai$, ср. *tái* 'той'³⁷, диал. *baltái* 'белой'

В личных местоимениях:

dat.sg.: $*māni > mán$ 'мне', диал. *mán*, *mái* (LD: 300)
*távi*³⁸, $*sāvi > táu$, *sáu* 'тебе, себе'
 dat.pl.: *mūmus*, *jūmus* $> mūms$, *jūms* 'нам, вам'

В особых оборотах:

gen.sg. *be gālo* $> begál$ 'без конца' (LD: 114)

В периферийных юго-восточных диалектах встречаются по происхождению, возможно, в какой-то мере «гибридные» (du. + pl.) формы (без конечного *-s*) типа dat.pl. *akīmu* 'глазам', *vilkāmu* ~ *vilkām* 'волкам' (LD: 205–206, 233).

В тех случаях, когда в новом последнем слоге стоит неудлиняющийся гласный *-i* или *-u*, результат апокопы, естественно, нельзя считать удлинением — это просто сохранение старого ударения на той же море: $-VRV(C) > -VR(C)$. Структура слога меняется, т. к. формально возникает дифтонг, но сам акут совершенно тривиально отражает тот факт, что место ударения не изменилось. При этом ударение, как было, так и теперь — на второй море с конца. Наличие же «полудолготы» в акутовых дифтонах *ái*, *éi* и т. д. тогда можно считать более поздним явлением.

Однако, по-видимому, сложнее истолковать случаи типа dat.sg. $*māni$: *mán* (или *mán* с мягкостью). Если апокопа прошла после удлинения, т. е. $*māni = [*maāni] > mán = [māān]$, то здесь необходимо постулировать некое перераспределение вершин: $[-aā-] > [-āa-]$, где ударение сместилось на мору влево, чтобы: остаться на второй (абстрагируясь от *n/n̄*) море vs. не стоять на второй, ставшей срединной, море (с учётом сонантности *n/n̄*). В противном случае, т. е. если апокопа случилась ещё в форме $*māni > *mān > mán > mán$, то акут является тривиальным отражением ударности первой части дифтонга (первой моры, потом удлинившейся).

³⁷ Формы dat.sg.f. *tái*, *šái*, *jaí* считаются аналогическими (к dat.sg.m. *tám*) — ввиду широко представленных диал. *taĩ*, *šaiĩ*, *jaiĩ*, в т. ч. у Куршата (Kurschat 1876: 236, 240), ср. лтш. *tài*, *šài*. Однако, кажется, можно считать формы *tái* и *taĩ* регулярными дублетами. Первая из них может быть параллельной форме dat.sg.m. *tāmu(i)* и содержать некое гласное расширение к окончанию dat.sg. $*-oi$, как и слав. $*toj-ĩ$ ($< *toj-oi?$), а вторая тождественна соответствующей форме склонения существительных, т. е. восходит прямо к $*toj$ (что дало бы в славянском $**iě$).

³⁸ Место ударения видно у Даушки: $\langle táwi \rangle$ [DP 481₂₈] (Otrębski III: 136).

При диалектной редукции окончания *-as* тоже получается акут:

nom.sg.m. *sēnas* > *séns* ‘старый’; *žilas* > *žils* ‘седой’
kāras > *kárs* ‘война’; *jāvas* > *jáus* ‘хлебá’

(Leskien 1919: 136–137; LD: 116)

Но при исконном долгом монофтонге с циркумфлексом остаётся циркумфлекс: *vūnas* > *vūns* ‘вино’ (не ***vūns*). Внешне похожее явление наблюдается в словообразовании (в именных сложениях), ср. *sēnas* ‘старый’ → *séntēvis* ‘праотец’ и мн. др. Судя по общелитовскому распространению сложений типа *séntēvis* и сугубо диалектному характеру редукции *-as* > *-s*, первое — старое явление, а второе — новее. Однако в сложениях дело вовсе не только в фонетических, а в более сложных («морфонологических») явлениях.

В литовских сложениях, представляющих собой сложную систему, в которой выделяется ряд строго очерченных типов (по синтаксическому отношению между членами; разбор см. в Оtrebski II: 8–28; DLKG: 150–157), действуют, в отношении ударения, надпарадигматические правила. При выборе места ударения в сложении двух полнозначных основ играют роль не акцентные парадигмы вошедших в него членов, а упомянутые синтаксические отношения. Что касается интонации, то, не вдаваясь в подробности, отметим, что, например, из двух синонимов *séntēvis* и *senātēvis* (LKŽ) ‘праотец’ первый фонетически не выводится (?) из второго (так: Оtrebski II: 27), но акут определяется самой возможностью его постановки на первом члене (она зависит от того, может ли исход первого члена быть дифтонгом; здесь — сонантный исход³⁹, в отличие от *raĩkraš-tis* и *raĩkaraštis* (LKŽ) ‘рукопись’, *malūnratīs* ‘мельничное колесо’),⁴⁰ причём в определённых условиях этот акут, по-видимому, как бы сигнализирует безударность второго члена. Последнее верно также для сложений типа *galvūgalis* ‘изголовье’ (вариант *galvūgalis*), *kojūgalis* (вариант *kojūgalis*) ‘изножье’, где со-

³⁹ В этой связи отметим *vandėneglė* ‘хвостник, водяная сосенка’, а также неологизмы *vandėnakė* ‘телескоп (порода золотых рыбок)’ (букв. «водо-глазка»), *vandėnaugliai* букв. ‘водоросли’ («водо-рост-л-и»), с видимым «нарушением» правил традиционной акцентуации (акут на «имманентно» исконно-кратком гласном), в которых «принудительно» акутируется первый член, только потому, что на нём (абстрактно, независимо от анлаута второго) акут в принципе возможен — маркирующий морфемную границу дифтонг *én|* не распадается в интервокале.

⁴⁰ Возможно, этот словообразовательный способ сложения (без соединительного гласного) не индоевропейский, а позднебалтийский (до сих пор продуктивный). Синхронно это можно толковать так, что *séntēvis* образовано соположением абстрактной основы *sen-*, извлечённой из *sēnas* ‘старый’, и это ударение просто осталось на первой части того, что автоматически «выражается» дифтонгом *én*, тогда как с основой *malūn-* такого дифтонгического толкования не происходит, т. к. оно привело бы к сокращению гласного (***-ūn-*).

единительный гласный отражает gen.pl. -ц, но с «морфонологическим» акутом (или краткостью — тогда акут невозможен).

(д) после ударного дифтонга

После циркумфлексового (?) слога — в местоименном склонении:

dat.pl.m.: *-iēmus* > *-iēms*, ср. *jīems* ‘им’, *baltīems* ‘белым’

Старое место ударения (без тона) видно у Даукши: <īiēmus> [DP 1₁₇], <īiēmus> [3₄₅], <iēmus> [30₁₇], <īiēmus> [143₅], <tiēmus> [18₂₇] и мн.др.⁴¹ В диалектах эта форма встречается без конечного -s: Девянишки dat.pl.m. *jiēmu*, ср. пример: *Davē bulbū jiēmu visiēmu* ‘Дал картошки им всем’ (LKŽ, s.v. *jis*; Mikulėnienė et al. I: 217; есть также и *jīēmu*, меньше примеров). Циркумфлекс здесь вполне может быть исконным — без апокопы (но с заменой окончания **-iēmus* → *-iēmu* вследствие смешения форм двойственного и множественного чисел, см. LD: 205–206).

Мы не можем быть уверены в достоверности форм с циркумфлексом, однако исторически тут оснований для акута нет (при праформе **jōimūs*, ср. Otrębski III: 142). Правда, акут мог проникнуть из nom.pl.m. **jīe* (> *jiē* по закону Лескина), однако в самой этой форме акут не имеет удовлетворительного объяснения (но ср. Kortlandt 1993).

Если всё-таки циркумфлекс здесь первичнее акута, то морно это можно толковать только как перераспределение вершин: *-VVR(C)* > *-VVR(C)*, ср. выше о **māni* > *mān*.

(е) после ударного долгого монофтонга

В Девянишках имеется форма dat.pl.f. *jōmu* (LKŽ, s.v. *jis*), однако она же, очевидно, служит и instr.pl.f.; значит, циркумфлекс может происходить из *jōm* < *jomìs*. Однако ввиду dat.pl.m. *jiēmu* (см. выше), при instr.pl.m. только *jaīs*, можно допустить мысль и об исконности dat.pl.f. *jōmu* (Дятлово только *jōmi* < *jōm'ì*, Vidugiris 2004: 219, при instr.pl.f. *jōmi* < *jōm'ì* ~ *jomì* < *jōm'ì*, Vidugiris 2004: 230). Если так, то:

⁴¹ Отрембский приводит без звёздочки „dawne brzmienie” (‘древнее звучание’) *jiēmus* (Otrębski III: 142), но на самом деле это, конечно, авторская реконструкция, ибо никаких свидетельств акута в двусложной форме подобных местоимений в памятниках нет. То же у Зинкявичюса: *tiēmus* (LKIG II: 10), *saviēmus*, *kaltiēmus* (в молитвах, поэзии, т. е. не живые формы, LD: 233). У Ф. Куршата циркумфлекс: „*jiēmus*, *ihnen*, eine nur noch in alten Schriften vorkommende Dativform Pl. für *jiēms*“ ‘*jiēmus*, *им*, только в памятниках встречающаяся форма dat.pl. вм. *jiēms*’ (Kurschat 1883: 155), где ударение он, очевидно, поставил произвольно, что явствует из его же слов (LKŽ повторяет эту форму, а А. Куршайтис этот комментарий просто снял, сохранив произвольный циркумфлекс: Kuršaitis II: 184).

dat.pl.f.: **-ðmus* > *-óms* ср. *jóms* ‘им’, *baltóms* ‘белым’

Только в том случае, если это верно, сюда можно чисто гипотетически добавить и у существительных:

dat.pl.f.: **-ðmus* > *-óms* ср. *galvóms* ‘головам’

Морно здесь можно усматривать перераспределение вершин, а не удлинение: *-VVRVC* > *-VVR*C. В таком случае сонант на этой стадии воспринимался как обычный согласный, а не часть дифтонга, причём это в большей степени верно и поныне.⁴²

Предполагаемому нами здесь развитию вторичного акута, на первый взгляд, противоречит развитие при редукции окончаний типа *sēnas* > *séns*; *výras* > *výrs*; *vīnas* > *vīns* (а не ***vīns*). Однако совершенно очевидно, что это иной, недавний, процесс (он охватил лишь жемайтское наречие и ареально близкие к жемайтским аукштайтские диалекты) и его результаты вовсе не должны полностью совпадать с результатами общелитовской редукции окончания *-mus*.

Разумеется, сказанного всё ещё недостаточного для каких-либо выводов касательно исконной интонации на **-ā-* перед *-mus*. Для дальнейшего рассуждения нужно найти какие-то ещё формы, в которых бы наблюдалось подобное. Такие случаи, как будет показано ниже, есть в формах вторичных («послеложных») местных падежей.

5. Сокращение окончаний вторичных падежей

Вторичные падежи возникли (в разное время?) как сочетания форм первичных падежей и послелогов (это те же слова, что предлоги), — возможно, под влиянием прибалтийско-финских языков (обзор см. в Ханина 2011). В литовском выделяют четыре вторичных падежа (формы того, что синхронно называется «локативом» [= инессив], мы частично приводили выше):

адессив (adess.) ‘у чего, кого?’ = loc. + *-pi* < **p(r)i* (?), ср. *priē* ‘при’
 аллатив (all.) ‘к чему?’ = gen. + *-pi*
 инессив (iness.) ‘где, в чём?’ = loc. (?) + *-e* < **ēn*, ср. *ĩ(-)*, лтш. *ĩe-* ‘в(-)’
 илллатив (ill.) ‘куда, во что?’ = acc. (?) + *-na* < **nā* (?) ≠ *niõ* ‘от’ (?)

⁴² Таким образом, если это верно, то теряет силу возражение (В. Ринкявичюс, л. с.), что в *ā*-основах окончание **-āmus* > *-áms* — это удлинение, тогда как первый гласный в **-āmus* — исконно долгий, поэтому не мог при апокопе претерпеть мены тона, ибо уже имел долготу и тон на ней. Из вышеизложенного видно, что во всех случаях речь вполне может идти не о заместительном удлинении, а о перераспределении вершин на последних морфах, в результате которого ударение остаётся на той же по счёту морфе с конца (но не на средней из трёх).

По поводу первой части этих сложных окончаний (первичный падеж + послелог) в балтистике нет полной ясности; нередко в формах разных чисел одного вторичного падежа усматривают разные первичные падежи. Спор не вызывает, кажется, только то, что аллатив основан на родительном падеже и что послелог как-то соотносится с предлогом прабалт. **prei* > лит. *priẽ*, лтш. *piẽ*, ср. и управление предлога *priẽ* + gen. (однако всё равно не ясно, тот ли это предлог, ср. ещё кандидат *apiẽ* 'о').⁴³

Из вторичных падежей в литературном языке вполне жив только инессив (теперь единственный местный падеж) и маргинально иллатив (часто лишь потенциально). Остальные фиксируются в памятниках (отражающих место ударения, но не тон), а также — весьма остаточно (помимо отдельных наречий) — в периферийных юго-восточных говорах, в т. ч. в Лаздунах (лит. *Lazūnai*), Дятлове (*Zietela*), Гервятах (*Gervėčiai*), Твярчюсе (*Tverčėius*) и меньше в Девянишках (*Dievėniškės*).

О происхождении вторичных падежей из свободных сочетаний, возможно, говорит наличие «двухслойных» вторичных (т. е. «третичных») падежей. Так, ожидаемые формы адессива множественного числа фактически не представлены: ожидаются формы типа *adess.pl. *miškūos(u)pi, *galvos(u)pi*, однако уже в памятниках вместо них мы видим формы типа *miškūosempi, -ampi, -umpi* и под. (Zinkevičius 1982: 31), явно основанные в т. ч. на инессиве⁴⁴. Третичными являются и формы «двойного иллатива» типа *miškūosnan*.

Эти послелогии в той или иной степени подвергаются апокопе. Инессив в литературной форме (без апокопы) мы уже дали выше; специаль-

⁴³ В говоре Дятлова эти предлоги слились в *piẽ* (Vidugiris 2004: 313; Vidugiris 1998: 476), хотя есть отдельно *priẽ* (но *apie* нет) и *priẽg* (в примерах даётся без ударения, как и все предлоги). Вполне вероятно, что предлог *apie* имеет вторичный исход (вместо **api*, ср. Smoczyński 2007, s.v. *apie*), что, возможно, явствует из его продлённого (приименного) варианта — приставки *apy-*. Если так, то послелог адессива и аллатива следует реконструировать как **(a)pi*, т. е., в отличие от **nā*, — без акута. Из *api(ẽ)* послелог *-pi* выводит и И. А. Сержант, причём ради акута в *adess.sg. ā*-основ: якобы **-aj-api* > *-āipi* (Сержант 2004: 51, сн. 7), что нам представляется искусственным.

⁴⁴ И. А. Сержант считает *-m-* в *-empi* и т. д. аналогическим. По его мысли, сначала было loc. **dievuosu + *pi* > **dievuosup*, затем туда вставили *-m-* по аналогии с аллативом *dievump* или с местоименными формами адессива типа *jamp(i) < jamtip(i)*; затем полученное *dievuosump* перестроили на *dievuosemp* по аналогии с инессивом *dievuose* (Сержант 2004: 50). Это громоздкое построение нужно ему для возведения образования адессива к эпохе после действия закона Лескина (когда уже ожидается **-ēn* > *-ē*), что само по себе в принципе может быть верно. По Сержанту, **-ēn* добавилось до действия закона де Соссюра, **-nā* — пос-

но его, а также иллатив мы рассмотрим ниже (см. разд. 7). Здесь дадим основные формы адессива и аллатива для *õ-* и *ā-*основ в обобщённом виде, как они приводятся в LD, видимо, отражающем представление 3. Зинквичюса об их изначальной общелитовской форме, в т. ч. в плане ударения; скорее всего, его обобщения не во всём верны (подробности ниже). Эти формы даём с апокопой (без неё они почти не употребляются):

	а.п.:	1 = «Im.»	2 = «Im./α»	3 = «Mob.»	4 = «Mob./α»
<i>õ-</i> основы:					
		‘муж’	‘пан’	‘берёза’	‘бог’
sg.	adess.	Ωϕ <i>výrop</i>	<i>põnop</i>	<i>beržóp</i>	<i>dievóp</i>
	all.	Ωϕ <i>výriep</i>	<i>põniep</i>	<i>beržíep</i>	<i>dievíep</i>
pl.	all.	Ω <i>výrum(p)</i>	<i>põnum(p)</i>	<i>beržium(p)</i>	<i>dievium(p)</i>
<i>ĩõ-</i> основы:					
		‘кусок’	‘ольха’	‘лошадь’	‘ёж’
sg.	adess.	Ωϕ <i>kásniop</i>	<i>al̃ksniop</i>	<i>arklióp</i>	<i>ežióp</i>
	all.	Ωϕ <i>kásniep</i>	<i>al̃ksniep</i>	<i>arkliép</i>	<i>ežíep</i>
pl.	all.	Ω <i>kásnium(p)</i>	<i>al̃ksnium(p)</i>	<i>arklium(p)</i>	<i>ežium(p)</i>
<i>ā-</i> основы:					
		‘сорока’	‘курица’	‘рот’	‘дева’
sg.	adess.	Ωϕ <i>šárkaip</i>	<i>vištaip</i>	<i>burnáip</i>	<i>mergáip</i>
	all.	Ω <i>šárkos(p)</i>	<i>vištos(p)</i>	<i>burnõs(p)</i>	<i>mergõs(p)</i>
pl.	all.	Ω <i>šárkum(p)</i>	<i>vištum(p)</i>	<i>burnum(p)</i>	<i>mergum(p)</i>
<i>ĩā-</i> основы:					
		‘корова’	‘ель’	‘источник’	‘верёвка’
sg.	adess.	Ωϕ <i>kárveip</i>	<i>ẽgleip</i>	<i>versméip</i>	<i>vervéip</i>
	all.	Ω <i>kárvès(p)</i>	<i>ẽglès(p)</i>	<i>versmēs(p)</i>	<i>vervès(p)</i>
pl.	all.	Ω <i>kárvium(p)</i>	<i>ẽglium(p)</i>	<i>versmium(p)</i>	<i>vervium(p)</i>

Отметим, что все эти формы показывают недействие закона де Соссюра (с первого слога сдвига нет), ср. *põnop* при *beržóp*.

В аллативе и адессиве апокопируется безударный слог — *-pi*, который никогда и не бывает ударным⁴⁵. Сам по себе факт его безударности нам важен ввиду обсуждаемого правила Лескина–Отрембского–Смочиньского — при апокопе безударного слога мы ожидаем акут на предвдущем ударном. Рассмотрим эти два вторичных падежа:

ле него, но до закона Лескина, а **-pi* — после закона Лескина. Это избыточная и недоказуемая относительная хронология зиждется на заблуждении Сержанта, что закон де Соссюра не действовал вне последних двух слогов. Что же касается самих форм типа *dievuosemp*, то это, скорее всего, как мы сказали, «третичные» формы — действительно поздние, — основанные на вторичных. Так, *dievuosemp* основано на *dievíosen*, *dievuosamp* — на *dievíosan*, а *dievuosump* — на *dievíosun* (это вполне реальные формы, см. LD: 212–214, § 289; 251, § 387).

⁴⁵ Кроме, вероятно, вторичных форм типа *mūspi* ‘у нас’ (LD: 305) — с конечноударностью той же (?) природы, что и *anàs*, *katràs*, *kienàs*.

(а) аллатив

Форма аллатива, несомненно, состоит из *gen.sg.* + *pi*. С конечным гласным она фиксируется весьма скудно — судя по всему, только в наречии *natóri* ‘домой’, чья интонация, кажется, колеблется, ср. „*natóri* (*natõri?*)“ (LD: 113; хотя в LKŽ несколько примеров с акутом)⁴⁶. Место ударения видно у Даукши (только местоимения): «*tõri*» [DP 333₇]. Дятлово: всего один пример (с акутом): «*natõp'i*» (Vidugiris 2004: 133); Лаздуны — форм без апокопы нет. Все остальные примеры — с апокопой.

В *õ*-основах общелитовская форма *all.sg.* — без сомнений — *-õp*, ср. *velniõp* ‘к чёрту’⁴⁷, *natõp* ‘домой’, *galõp* ‘к концу’ и мн. др. Маргинально фиксировался и циркумфлекс: *namõp*, *namõp* (LD: 211). Лаздуны и Дятлово: Видугирис в своих записях фиксирует только акут, в т. ч. местоимение только *jõp* ‘к нему’, *tõp* ‘к тому’, *kõp* ‘к кому’ и т. п. (Vidugiris 2014: 179ff.; Vidugiris 2004: 219ff.). У Куршата циркумфлекс: *-õp*, однако эти формы ему не были родными („in russisch(!) Litauen“ ‘в русской Литве’: Kuschat 1876: 399), поэтому, видимо, их можно считать недостоверными.

Для основ с формами *gen.sg.* на *-s* данные скудны. Для *ã*-основ «по умолчанию» приводится только *-õs(p)* с циркумфлексом (LD: 222), однако в Лаздунах имеются и достаточно явственные свидетельства акута. Видугирис специально приводит для Лаздун варианты «*jõsp* ~ *jõs*» ‘к ней’ (Vidugiris 2004: 229; вторая форма с падением *-p*, о чём см. ниже). В самом его описании лаздунского говора данные не совсем однозначны. Для существительных он нарочно оговаривает, что в окончании *-os(p)* „[p]riegaidė svyruoja, kartais ji artimesnė tvirtapradei“ ‘интонация колеблется и иногда ближе к акутовой’ (Vidugiris 2014: 122), ср. пример «*vuodegõs(p)*» от *vuodegà* (литер. *uodegà*) ‘хвост’ (там же: 116), а также упомянутые местоименные формы *jõsp*, *jõs* (но не ***jõsp*; там же: 180).

Формы *i-*, *u-* и *R*-основ, типа *akiẽs(p)*, *sūnaũs(p)*, *seseriẽs(p)*, фиксируются очень слабо (например, там же: 126f., 129f., 131f., без *-p*); конкретных данных у нас нет. Интонацию этих форм можно считать неизвестной.

Форма *all.pl.* (*gen.pl.* **-uĩ + pi*) засвидетельствована несколько шире (LD: 214). Без апокопы такие формы сохранились только у местоимений в памятниках и в записанных в 1930-е гг. диалектах (LKŽ: *jumpi*, *jūsũmpi* [?], *mĩsumpi*); с апокопой *-i* имеются примеры как с циркумфлексом, так и с акутом, в т. ч. с колебаниями в одном говоре ср. *raguĩ(p)* ~ *ragũmp* «*ragũmp*», а также *žtoniũmp* «*žmõĩũmp*» (LD: 214). В Лаздунах имеем яв-

⁴⁶ Приводится также *natõpri* и даже *natõprin* (в т. ч. LKŽ), также с акутом, но, как обычно в LKŽ, это произвольно, т. к. это формы из памятников.

⁴⁷ Это окончание обобщилось как наречное, ср. *vasarõp*, *vasariõp* ‘ближе к лету’ (а не ***vasarosp(i)* от *vāsara* ‘лето’), *pavasariõp* ‘ближе к весне’, *žiemõp* ‘ближе к зиме’ и нек. др. (в части говоров с циркумфлексом: *pavasariõp* и т. д., LD: 406), хотя есть и *mergõp* и под., причём в т. ч. и в памятниках: LD: 222, § 311 — с **-õsp*?

ственный акутовый вариант местоимения all.pl.m./f. *juĩp* <*juĩ.p*> ~ *juĩp* <*juĩ.mp*>, специально несколько раз упоминаемый (Vidugiris 2014: 179, 181).

Таким образом, интонация всех этих вымирающих форм известна плохо. Однако важно, что акут многократно засвидетельствован, из чего, кажется, следует, что он в принципе не фиктивен.⁴⁸ Итак:

all.sg.	<i>-õpi</i> , * <i>-ĩõpi</i>	> <i>-(i)õp</i> (~ <i>-(i)õp?</i>)
	* <i>-õspi</i> , * <i>-ẽspi</i>	> <i>-õsp</i> ~ <i>-õsp</i> , <i>-ẽsp</i> ~ <i>-ẽsp</i>
	* <i>-(i)õspi</i>	> ?
	* <i>-iẽspi</i>	> ?
all.pl.	* <i>-(i)uĩpi</i>	> <i>-(i)uĩp</i> ~ <i>-(i)uĩp</i>

Все три вторичные окончания аллатива, для которых имеются хоть какие-то свидетельства, показывают акут наряду с циркумфлексом. Исторически для акута в первичных окончаниях, входящих в их состав, нет очевидных оснований, ср. gen.sg. *nãmo*⁴⁹ ‘дома’, gen.pl. *ragiũ* ‘рогов’.

Характерно обобщение Видугириса (Vidugiris 2014: 180) для Лаздун: *jõsp* ~ *jõs*, т.е. акут при уцелевшем остатке послелого *-p* и циркумфлекс при окончательном его падении. При исчезновении послелого форма вторичного падежа (здесь all.sg.f.), сохраняя своё значение, сегментно уже не отличается от первичного (gen.sg.f.), и именно тогда интонация окончательно «возвращается» к первичной.

Акут сохраннее всего в *-õp*, где затуманен первичный падеж. Значит, в обсуждаемых формах с апокопой гласного в послелого налицо акут, прямо связанный с самой этой апокопой.

⁴⁸ Создаётся впечатление, что литовские диалектологи во всех случаях, кроме *-õp*, ожидают циркумфлекса, т.е. интонации первичного падежа, вошедшего во вторичный, а акут специально отмечают как неожиданный и объясняют какими-то вторичными факторами, ср. лаздунский пример <*mies nuvažiũtumiem juĩ.mp, juĩ.mp suvažiniũtumiem*> ‘мы бы поехали к ним, к ним бы съезжались’ (наряду с <*juĩ.p*> в других примерах) и комментарий: „Toks nevienodas dvigarsio *um* tarimas ir kiĩciavimas atsiradęs dėl kalbũ kontaktũ.“ ‘Такое неоднородное произношение и ударение дифтонга *um* возникло из-за языковых контактов’ (Vidugiris 2014: 181), каковое объяснение, конечно, не может быть принято ввиду отсутствия подобных колебаний в других позициях. Примечательно, что не заметить акут или пренебречь им носитель и знаток литовского языка А. Видугирис не мог. Подобных колебаний в самих первичных падежах нет. В случае же *-õp* нет точного прототипа в первичном падеже (отличается место ударения), поэтому этот акут никого не смущал. Что тоже странно ввиду наличия местоименных форм gen.sg. *tõ* ‘того’, *kienõ* ‘чей’ и т.п. А. И. А. Сержант (2004: 50–51 и сн. 6, 7) предполагает сплошную акутовую метатонию (*métatonie rude*) в обоих падежах на *-pi*.

⁴⁹ А форму нар. *namõ* ‘домой’ выводят из *namõp* (Smoczyński 2007, s.v. *namõ*), что предполагает мену интонации после отпадения *-p* (см. разд. 6).

Чтò касается акута в форме *namópi* (~ *namõpi*?), то его можно понимать так, что в формах с частотной апокопой интонация, вызванная ею (акут), может распространяться и на угасающие варианты без апокопы.

Если всё это верно, то здесь налицо перераспределение вершин: *-VVCV* (*-õpi) > *-VVC* (-õp). Тогда это ровно та же ситуация, что в формах типа *dat.pl. jóms, galvóms*, которые теперь ничто не мешает возводить к **jõmus, *galvõmus*.

(б) адессив

В *adess.sg.* имеем сочетание [старый локатив] + *pi*. Сам старый локатив представлен, по общепринятому мнению, такими формами (теперь наречными) на *-oi-, как *namiẽ* 'дома_{adv.}', диал. *oriẽ* 'на улице' (*óras*, диал. *õras* 'воздух'), *vakariẽ* 'вечером' (*vãkaras*), и наречиями на *-(i)ai / -(i)aĩ*.

С не павшим *-i* сохраняется, видимо, только *namiepi* (*namiẽpi*) (LD: 113, 406), а формы с апокопой — обычно акутовые, ср. (*i*)õ-основы: *dieviẽp* (порой и *dieviẽp*, Дятлово, Лаздуны, LD: 210), *vilkiẽp; arkliẽp* (там же, LD: 218); (*i*)ã-основы: *mergáip* (и *-aĩp*, Дятлово, LD: 222), *katéip* (и *-ẽip*, там же, LD: 227). В *i*-основах — краткость: *akíp, šalíp*⁵⁰, которая, кажется, не может безоговорочно быть признана исконной (вопреки Сержант 2004: 50)⁵¹, как и в *u*-основах: Лаздуны *sũnìp* (Vidugiris 2014: 129).

Ударение соответствующих форм *adess.pl.* неизвестно.⁵² Итак:

<i>adess.sg.</i>	<i>-ipi, *-ùpi</i>	> <i>-ìp, -ùp</i>	(?)
	<i>*-aĩpi, *-ẽipi</i>	> <i>-áip ~ -aĩp, -éip ~ -ẽip</i>	
	<i>-iepi</i>	> <i>-íep ~ -iẽp</i>	

Здесь явно та же картина, что в аллативе, однако с дифтонгами (чтò, возможно, говорит за исконность *dat.pl.* типа **jiẽmus*, см. выше, разд. 4д).

Отметим также сокращённые варианты: *mergáip ~ mergàp* (LD: 210, 222), *katéip ~ katèp* (LD: 227), очевидно, могшие получиться лишь из акута. Вторичное (?) акцентное распределение имеем в *dieviẽp ~ pãšip, arkliẽp ~ brólip* (но и *výriep, durnìp*, Vidugiris 2014: 115; LD: 210, 218).

⁵⁰ Форму *akíp* мы знаем по LD: 113, 231, но там, в Лаздунах (Vidugiris 2014: 126f.) и в Дятлове (Vidugiris 2004: 150ff.), *vagiẽp ~ žqsip ~ žursip* (m.!) — как в *io*-основах, а *šalip* (< *šaliẽp* [?]; см. LKŽ) включается в словари литературного литовского языка; ср. также Даукша <ṽgnip̃> [DP 158_{6, 41}], где количество гласного не видно. Сержант (2004: 49ff.), считает эту краткость результатом сокращения по закону Лескина (см. сноску 44), чтò недоказуемо ввиду неясности, краткость ли это.

⁵¹ Поскольку в говорах, где она записана, имеется сокращение акута типа *mergáip* > *mergàp* (см. ниже), а у Даукши, напоминаем, долгота не видна.

⁵² В диалектах (всё те же Лаздуны) записана только одна и притом без ударения: *žmonèspi* (LD: 202), а в памятниках она «двухслойная», образованная, судя по всему, на основе другого вторичного падежа — инессива, ср. у Даукши <žudũ-fẽmp̃> [DP 254₂₀], <žmonefiãmp̃> [497₄₄] (см. также Otrębski III: 80, и нашу сн. 44).

6. Валентности окончаний и балто-славянская метатония

Принцип постановки ударения в балтийском и славянском успешно описывается, согласно учению В. А. Дыбо, введением понятия «акцентуационных валентностей»: каждой морфеме приписывается «доминантность» (+) или «рецессивность» (–), после чего ударение ставится по контурному правилу — на первый доминантный слог. Словоформы, состоящие только из рецессивных морфем («энклиномены»), реконструируются как фонологически безударные, что в поздних языках проявляется как начальнударность (см., например, Дыбо 2000а: 11). Не только корневые, но и прочие морфемы (суффиксы, окончания) могут иметь разные валентности. Поэтому, например, наличие то рецессивных, то доминантных окончаний в одной словоизменительной парадигме непроизводного слова с рецессивным корнем приводит к «подвижности» ударения (в литовских именах это а.п. 3 и 4). В результате такие «маргинально-подвижные» слова ударяются то на начале, то на конце (даём все четыре акцентные парадигмы $\bar{a}$ -основ), ср.:

nom.sg.	acc.sg.	gen.sg.
* <i>bábá</i> > <i>bóba</i> 'баба'	* <i>bábān</i> > <i>bóba</i>	* <i>bábās</i> > <i>bóbos</i> (а.п. 1)
* <i>ùapsá</i> > <i>vapsà</i> 'оса'	* <i>ùapsān</i> > <i>vāpsa</i>	* <i>ùapsās</i> > <i>vāpsos</i> (а.п. 2)
* <i>gālūá</i> > <i>galvà</i> 'голова'	* <i>gālūān</i> > <i>gálva</i>	* <i>gālūās</i> > <i>galvōs</i> (а.п. 3)
* <i>nāgá</i> > <i>nagà</i> 'копыто'	* <i>nāgān</i> > <i>nāga</i>	* <i>nāgās</i> > <i>nagōs</i> (а.п. 4)

Здесь в праформах: $\bar{a}$ — доминантный акут, $\hat{a}$ — рецессивный акут, $\tilde{a}$ — доминантный циркумфлекс, $\hat{a}$ — рецессивный циркумфлекс, $\grave{a}$ — доминантная краткость, $\tilde{a}$ — рецессивная краткость.

Однако эта система может деформироваться под воздействием разных факторов. Нас будет интересовать «балто-славянская метатония»⁵³, при каковой всякий (?) рецессивный акут перед доминантным следующим слогом переходил в циркумфлекс, приобретая «вторичную доминантность» (см. Николаев 1989; 2019). Не все доминантные окончания наводят метатонию. Так, в примерах выше nom.sg. * $\bar{a}$ и gen.sg. * $\tilde{a}s$ её не наводили. В первом случае речь, видимо, идёт о какой-то особой («вторичной») доминантности, связанной с ларингалом (* $\hat{a}h_2?$), а во втором — само окончание вторично-доминантно, т. к. является сверхдолгим и при этом в нём самом произошла метатония: * $\hat{a}h_2\grave{e}s$ > * $\hat{a}h_2\tilde{e}s$ > * $\tilde{a}s$ ⁵⁴.

⁵³ Термин не подразумевает генетического балто-славянского единства (по поводу которого позиции соавторов расходятся).

⁵⁴ В данном случае можно обойтись и без реконструкции метатонии, а возводить вторично-доминантный циркумфлекс непосредственно к стяжению, т. е. минуя среднюю фазу (замечание М. М. Колодяжного).

Односложные морфемы, имевшие «первичную» доминантность (в т. ч. краткие и, вероятно, акутовые, если принять, что в них ударна первая мора, как в современном литовском), метатонию наводили (кое-какие соображения об этом см. в Ослон 2011: 158). Такими морфемами были некоторые собственно падежные окончания, в т. ч. gen.sg. *-ęs.

В упомянутом случае *-aĥ₂ęs > *-āĥs стяжение приводит к сохранению «маргинального принципа» ударения (ударный слог — последний), но при отсутствии стяжения ситуация должна была быть иной, так что, например, для интересующих нас форм (в подвижной парадигме) можно вообразить следующее: dat.pl. *gālūāmūs > *gālūāmus; instr.pl. *gālūāmīs > *gālūāmīs. Дальнейшая эволюция должна была подчиняться закону де Соссюра, т. е. dat.pl. *galuāmus, но instr.pl. *galuāmīs.

Теперь мы применим этот механизм также и ко вторичным падежам. Мы механически строим их праформу (рассмотрим только *ō*- и *ā*-основы: неподвижные — а.п. 2: на примере *piřštas* ‘палец’ и *rankà* ‘рука’; подвижные — а.п. 3: *galvà* ‘голова’; а.п. 4: *vaikas* ‘дитя’), а затем подвергаем её (1) балто-славянской метатонии, (2) закону де Соссюра, (3) закону Лескина, (4) правилу Лескина–Отрембского–Смочиньского при апокопе послелога. Последняя стадия — (5) полное отпадение остатков послелога (в части случаев). Формы, засвидетельствованные (в т. ч. от других слов того же типа) с интонацией в диалектах даём без звёздочки:

(1) метат. (2) де Сосс. (3) Леск. (4) Л.-О.-С. (5) отпад.

dat.pl.

*pīřštōmūs > *pīřštōmūs	> *piřštamus > piřštams > piřštam
*rañkāmūs > *rañkāmūs	> *rañkomus > rañkoms > rañkom
*uāikōmūs > *uāikōmūs	> *vaikāmus > vaikāms > vaikām
*gālūāmūs > *gālūāmūs	> *galvōmus > galvōms > galvóm

instr.pl.

*rañkāmīs > *rañkāmīs	> rañkomis > rañkoms > rañkom
*gālūāmīs > *gālūāmīs > *galuāmīs	> galvomis > galvōms > galvōm

adess.sg. = loc.sg.⁵⁵ + *pī

*pīřštē-pī > *pīřštēpī	> *piřštiepi > piřštiep
*rañkāpī > *rañkāpī	> *rañkaipi > rañkaip
*uāikē-pī > *uāikēpī	> namiēpi > vaikēp > namiē(p)
*gālūāpī > *gālūāpī	> *galvaipi > galvaip

⁵⁵ Имеется мнение, что адессив основан на дативе (Rosinas 1999), но оно, видимо, неверно (Сержант 2004: 52). Впрочем, это можно допустить для *ā*-основ, ввиду того, что предлог *prie* в древности мог управлять и дативом.

all.sg. = gen.sg. + *p_i

*p _i řstā-p _i	> *p _i řstāp _i	> *p _i řstopi	> p _i řstop
*rañkās-p _i	> *rañkāsp _i	> *rañkospi	> rañkosp > rañkos(p)
*uāikā-p _i	> *uāikāp _i	> namōpi	> vaikōp > namō(p)
*gālūās-p _i	> *gālūāsp _i	> *galvōspi	> galvōsp > galvōs(p)

all.pl. = gen.pl. + *p_i

*p _i řstōñ-p _i	> *p _i řstōñp _i	> *p _i řštumpi	> p _i řštump > p _i řstum(p)
*rañkōñ-p _i	> *rañkōñp _i	> *rañkumpi	> rañkump > rañkum(p)
*uāikōñ-p _i	> *uāikōñp _i	> *vaikuñpi	> vaikūmp > vaikūm(p)
*gālūōñ-p _i	> *gālūōñp _i	> *galvuñpi	> galvūmp > galvūm(p)

Полученные формы соответствуют реальным, в т. ч. маргинально представленным в диалектах. Без апокопы известно, видимо, лишь *namīepi* ~ *namīēpi* ‘дома_{adv.}’ (LD: 113), что вписывается в схему, и *namōpi* ~ *namōpi*, см. выше). Акут по апокопе гласного послелого хорошо засвидетельствован в формах на *-īep* и *-ōp*, и остаточен в формах с более сложными исходами *-ōsp* и *-ūmp*, в которых *-p* всегда факультативно. По его отпадении после шумного опять получается циркумфлекс, что, может быть, уже не вполне фонетическое («морфонологическое»), или, по меньшей мере, чисто фонотактическое явление. Отпадает ли *-p* после гласного, мы не знаем, но если да, то это даёт наречия *namō* ‘домой’ (ср. Smoczyński 2007, s.v. *namō*) и, возможно также, упомянутые выше *namīē* ‘дома_{adv.}’, диал. *oriē* ‘на улице’, *vakariē* ‘вечером’ (т.е. совпавшие со старыми локативами, а не продолжающие их непосредственно).

Представленной реконструкцией мы хотели показать, что по крайней мере в системе именного склонения вряд ли целесообразно искать исключения из закона де Соссюра и что он, таким образом, был (в литовском, для которого и был открыт) вполне фонетическим явлением без какого-либо вмешательства аналогии.

Сам В. А. Дыбо в первом слоге окончания форм типа *galvōmus* усматривает именно вторичную доминантность, ставя под соответствующим слогом маркировку (±), правда, с акутовой интонацией: *galvā_̇m_̇us, имея в виду результат действия закона Хирта (с сомнением, Дыбо 2000b: 75). Примечательно, что ту же маркировку (±) он ставит под окончанием nom.sg.f. *-ā*, на которое, как известно, происходит сдвиг по де Соссюру. Это делает уязвимой не только хронологию, но и саму поправку Дыбо.⁵⁶

⁵⁶ Позже В. А. Дыбо вводит новую маркировку (⊕) (восходящий тон), специально для разграничения эффектов закона Хирта и метатонии, и в этой форме ставит именно её (*galvā_̇m_̇us, Дыбо 2014: 19), теперь имея в виду метатонию, однако сохраняет акут, в чём трудно не заметить внутреннего противоречия (эта ме-

Кроме того, если это закон Хирта, то непонятно, как возникло ударение на *кратких* в *akīmus* <akīmus> [DP 33₁₅], *sūnīmus* <junīmus> [72₉]. Циркумфлекс же в формах типа *dat.pl. *galvā̃mūs*, равно как и формы **akīmūs*, **sūnīmūs*, согласуется с целым рядом фактов и снимает сразу несколько нестыковок в реконструкции. То же относится и к *instr.pl. *galvā̃mīš* и т. п.

Как уже говорилось, в славянских соответствиях форм типа **galvā̃mus* обычно реконструируют **-ā̃-*. Однако, судя по всему, по языкам и диалектам имеется два рефлекса — с акутом и с циркумфлексом (новым акутом). Так, возможные рефлексы циркумфлекса имеем в чешском (ср. *horām*, *horách*), словацком, чакавском (только в *loc.pl.*, ср. чак. *gorāh*, см. Каровић 2017: 327), возможно, также ограниченно в старо-польском: окончание *-āch* как вариант *-ach* (Babik 2012: 65). Не облегчают положения и древнерусские факты: окончания *ā*-основ *loc.pl. -axъ* и *dat.pl. -amъ* доминантны (т. е. ударны в подвижных парадигмах), а окончания *ǫ*-основ *loc.pl. -ěxъ* и *dat.pl. -omъ* доминантны или рецессивны по говорам (Зализняк 2019: 31). Всё это означает хотя бы то, что прямые сопоставления между интересующими нас литовскими окончаниями и таковыми славянскими полны каверз.

7. Вопрос происхождения инессива и иллатива

Более сложна ситуация во вторичных падежах, в которых послелог бывает ударным (инессив и иллатив). Вопрос их происхождения до сих пор не решён. В формах разных родов и чисел инессива исследователи видят отражения разновременных процессов и аналогий (Seržant 2004: 66; Zinkevičius 1982: 27), что кажется нам неубедительным, но здесь мы коснёмся лишь важных для этой статьи моментов.

Что касается апокопы, то она происходит с ударными *-è* (*iness.pl. dievuosè* > *dievuōs*) и *-nà* (*ill.sg. galvonà* > *galvōn*) и ожидаемо даёт циркумфлекс в новом последнем слоге (см. разд. 4i). Апокопа же в *ill.pl. -Ṽsna* > *-Ṽsn* (так в памятниках) > *-Ṽs* менее ясна, т. к. неясна слоговая граница (возможно, она не меняется по апокопе); кроме того, после полного падения послелога *-na* сегментно формы *ill.pl.* не отличимы от *iness.pl.* на *-s*.

Распределение вариантов инессива (напр. *galvosè*, *galvose* [?], *galvosù*, *galvosu*) и иллатива (напр. *galvosnà*, *galvōsna*, *galvōsna*) по диалектам весьма пёстро и неоднозначно, что не позволяет рассматривать их здесь в полном объёме в свете правила Лескина–Отрембского–Смочиньского. Кроме того, часть фигурирующих в работах форм подлежит проверке. Так, вариант типа *galvose* (*ā*-основ а.п. 3), часто приводимый со ссылками на LD: 237 и LKIG I: 197, на самом деле может быть фикцией⁵⁷.

татония в прочих случаях даёт циркумфлекс — по определению). Уточнение позиций закона Хирта (если его принимать — позиции соавторов здесь не совпадают) и метатонии см. в Николаев 2014: 163.

Литературные формы *iness.pl.* ведут себя во всём предсказуемо, ср. *piřštuose, raĩkose* (а.п. 2), но *bernuosè, galvosè* (а.п. 3) — без закона де Соссюра в а.п. 2 и с конечным ударением в а.п. 3 — точно как *instr.pl. raĩkomis, galvomis*. Их можно выводить из *acc.pl. + *ēn* или *loc.pl. + *ēn*⁵⁸, что для нас, скорее всего, не меняет дела (но см. также сн. 61).

Литературные формы *ill.pl.*, ср. *piřštuosna, raĩkosna* (а.п. 2), но *berniuosna, galvosna* (а.п. 3), подобны формам *dat.pl. raĩkoms, galvoms*, т. е. тоже без закона де Соссюра, но с акутом на первом слоге окончания. Это наводит на мысль о вторичности этого акута (как в *dat.pl.*). Следуя нашей схеме, можно попытаться объяснить его тем же правилом Лескина–Отрембского–Смочиньского, что потребует выведения его из формы *loc.pl. + *nā*. Тогда картина такова (о стадиях, обозначенных цифрами, см. стр. 82):

(1) метат. (2) деС. (3) Леск. (4) Л.–О.–С. (5) отпад.

ill.pl. = loc.pl. + *nā

<i>*piřštōsū-nā</i>	> <i>*piřštōsūnā</i>	> <i>*piřštuosuna</i>	> <i>piřštuosna</i>	> <i>piřštuos(n)</i>
<i>*raĩkāsū-nā</i>	> <i>*raĩkāsūnā</i>	> <i>*raĩkasuna</i>	> <i>raĩkosna</i>	> <i>raĩkos(n)</i>
<i>*uāikōsū-nā</i>	> <i>*uāikōsūnā</i>	> <i>*vaikuōsuna</i>	> <i>vaikiuosna</i>	> <i>vaikiuos(n)</i>
<i>*gālūāsū-nā</i>	> <i>*gālūāsūnā</i>	> <i>*galvōsuna</i>	> <i>galvosna</i>	> <i>galvos(n)</i>

Мы имеем в виду, что постулируемое нами выпадение **-u-* (которое сначала навело метатонию на **-ā-* > **-ā̃-*) вызвало действие правила Лескина–Отрембского–Смочиньского (как в *dat.pl. galvoms*), что дало поздний акут на *-osna, -uosna*.

Однако в периферийных юго-восточных говорах представлены системы с эффектом закона де Соссюра в а.п. 2. в *ill.pl.*, ср. Твярячюс (без вариантов) *rankósun* <*runkāsūn*>, как *šakósun* <*šakāsūn*>, *trobósun* <*trābāsūn*> ‘в избы’ (Отре́бски 1934: 229; Отре́бски III: 77), а также (как вариант) Дятлово *raĩkosna* ~ *rankósna* (Vidugiris 2004: 146), причём неясно, можно ли это считать архаизмом. В *iness.pl.* никогда (?) не наблюдается этого эффекта, что говорит о принципиально разном устройстве этих форм.

Общая сложность системы позволяет ставить вопрос о большем, чем четыре, числе вторичных падежей в праязыке. Так, выведение иллатива не только из *loc.pl.*, но также и из *acc.pl.* (что несомненно для

⁵⁷ Благодарим Б. Ясюнайте за эти сведения.

⁵⁸ Против фонетического развития из *loc.pl. *-su + *ēn* имеется возражение, что ожидается что-то вроде ***-sve* (Seržant 2004: 63), однако это не довод против самой праформы, т. к., такое развитие не только возможно, но реально представлено, ср. *sesud* ‘сестра’ < **suesōr*; *šėšuras* ‘свёкор’ < **sėšuras* < **suesuros*. Отличие этих случаев от **-suēn* может быть обосновано только чёткой относительной хронологией; пока её нет, возражение принять нельзя.

ill.sg., ср. acc.sg. *gāluān + *nā⁽¹⁾ > *gāluān-nā⁽²⁾ > *galuānā⁽³⁾ *galvonā*⁽⁴⁾ > *galvōn* с метатонией и законом де Соссюра) позволит объяснить варианты типа *galvosnā*, которые, кажется, малодостоверны для современных диалектов⁵⁹, но как будто встречаются в памятниках⁶⁰. Тогда:

(1) метат. (2) де Сосс. (3) Леск. (4) Л.–О.–С. (5) отпад.

ill.pl. = acc.pl. + **nā*⁶¹

* <i>pīrštōs-nā</i> > * <i>pīrštōsnā</i> >	* <i>pīrštuosn</i> > <i>pīrštuos</i>
* <i>rañkās-nā</i> > * <i>rañkāsñā</i> >	* <i>rañkosn</i> > <i>rañkos</i>
* <i>uajkōs-nā</i> > * <i>uajkōsnā</i> > * <i>uajkōsnā</i> > <i>vaikuosnā</i> >	* <i>vaikuōsn</i> > <i>vaikuōs</i>
* <i>gāluānā-nā</i> > * <i>gāluāsnā</i> > * <i>galuāsnā</i> >	<i>galvosnā</i> > * <i>galvōsn</i> > <i>galvōs</i>

Кроме того, по говорам имеются «третичные» падежи с окончаниями (для *ā*-основ а.п. 3): *-osuī*, *-ósai*, *-ósun* (*-ōsun* — если только это не рефлексы приведённых выше под звёздочкой форм на **-sn* > **-sñ*) и некоторые другие, могущие быть сочетаниями форм вторичных падежей с дополнительными послелогоми или же результатом различных аналогий (так обычно считают). Их рассмотрение мы отложим на будущее.

Слабым местом нашего рассуждения об инессиве и иллативе, основанных, по крайней мере частично, на loc.pl. на *-su*, является некоторая неясность статуса форм самогo этого «старого локатива», как считается, отражённого в литовских памятниках и диалектах. Их охотно возводят к и.-е. **-su*, отождествляя литовские диалектные формы типа *galvosū* (часто взаимозаменяемые с формами на *-sa* и иногда *-se*, т. е. в части го-

⁵⁹ Приводимые Зинкявичюсом местоименные формы Дятлово ill.pl.m. *tuosnā*, f. *tosnā* (Zinkevičius 1982: 30), кажется, неверны: у Видугириса — *tú'sna*, f. *tós-na(n)* (Vidugiris 2004: 222), при конечноударных ill.sg.m. *tanā*, f. *tonā*.

⁶⁰ Или являются ошибками. Как бы то ни было, отметим, что приводимая в Zinkevičius 1982: 29 статистика ударений этих форм неверна, по крайней мере в том, что касается Постиллы Даукши. В статье приводятся такие цифры: 82% форм иллатива с ударением типа *miškúosna* и 16% — *miškuosnā*. Это не соответствует действительности: всего акцентованных примеров иллатива в Постилле — 6. Из них на послелого *-nā* ударяются 3: *ǰawūfñā* [DP 304₄₈], *ǰaufjñā* [319_{30, 35}], на слоге перед ним: *-ǰs-na* — 2: *ǰkrutjñā* [313₂₆], *ǰaredniófñā* [473₂₃], на корне — 1: *ǰiriofñā* [484₄₈]. Это легко проверить (полные списки см. в Žilinskaitė 2010: 154).

⁶¹ Этот древний падеж (если настаивать на его реальности) можно было бы назвать «суперлативом». Подобным образом можно реконструировать «иллатив» (acc. + *ēn; ср. *wardane* ‘in nomine’ Mt 7:22 [10:5, 10:11] и др. [?*namosne* ‘in domum’ Mt 9:6, 10:12, 12:4 и др.]) в библии С. Б. Хылинского, см. Otrębski III: 78, § 208), а традиционный иллатив (loc. + *nā) переименовать в «суперессив» и, таким образом, восстанавливать не четыре, а шесть вторичных падежей (по крайней мере, для пралитовского). Этой гипотезе мы надеемся посвятить отдельную работу.

воров формально это инессив) прямо с др.-инд. loc.pl. *-su/-ṣu*. Однако представленное в лит. диалектах *-su* не наводит метатонии⁶² (поэтому его — по определению — нельзя считать первично доминантным, в связи с чем В. А. Дыбо ставит под ним маркировку (±) (Дыбо 2014: 19)⁶³. При этом в нашей гипотетической реконструкции ill.pl. = loc.pl. + **nā* (см. выше) мы исходили из наведения окончанием **-su* метатонии.

Отметим одно важное обстоятельство: в подвижных именах (а. п. 3 и 4) двусложные падежные окончания ударяются на последний слог во всех случаях, когда в этом последнем слоге реконструируется акут (с дальнейшим сокращением по закону Лескина). Помимо instr.pl. **-Vmīs* > *-Vmīs* (ср. *sūnumīs* ‘сыновьями’ и др.), iness.sg. **-Vjēn* > *-Vjē*, iness.pl. **-Vsēn* > *-Vsē* (ср. *sūnujē* ‘в сыне’, *sūnuosē* ‘в сыновьях’), это ещё и instr.sg. **-Vmī* > *-Vmī* (ср. *sūnumī* ‘сыном’). Последнее из них имело акут, судя по жемайтскому рефлексу *-mi*, а не ***-mē* (Stang 1966: 209), и нетривиально соотносится со славянским **-Vmь*, демонстрирующим краткость. Истоки этого акута, по-видимому, надо искать на балтийской почве. Точно так же ударяется двусложное окончание loc.pl. *-osū*, *-uosū* и т. д., так что у нас нет никакой гарантии, что это старое краткостное ударение, а не результат какого-то вторичного акутирования. Акутовость конечного слога не значит, что он не наводил метатонии, — как раз наоборот: ударение оказалось на нём по закону де Соссюра, передвинувшись с предыдущего слога, циркумфлектированного в результате метатонии. Тут налицо сразу несколько проблем, которые мы здесь сразу решить не можем; нам было важно показать, что во всём именном склонении ничто прямо не противоречит правилу Лескина–Отрембского–Смочиньского и, тем самым, не являет собой исключения из закона де Соссюра.

8. Заключительные замечания

Если представленное выше построение не натолкнётся на противоречия и контрпримеры (мы пока их не выявили), то можно будет допустить, что образование вторичных падежей относится к древней эпохе до действия метатонии (т. е. появления вторичной доминантности перед следующим доминантным слогом) и закона де Соссюра. Иначе для различия gen.sg. *vaiko* (форма-энклиномен) и all.sg. **vaikōpi* > *vaikop* потребуется объяснение, не находящее параллелей в других частях акцентной системы литовского (или даже прабалтийского) языка⁶⁴. В на-

⁶² Если считать краткость *-su* исконной (а не сокращением по закону Лескина).

⁶³ Под др.-инд. loc.pl. *-su/-ṣu* (ср. корневое др.-инд. *patsú* ‘в ногах’) В. А. Дыбо ставит маркировку (+) (Дыбо 2014: 35).

⁶⁴ За прабалтийскую древность адессива и аллатива как будто говорит лтш. *kūp* ‘куда’ = *kūr* ‘где’ + *-pi* (Stang 1966: 286, Сержант 2004: 55).

шей же схеме потеря «энклиномичности» объясняется присоединением «плюсового» послелога к соответствующей форме с наведением вторичной доминантности (здесь на окончание gen.sg. *-ā̃). Параллельное развитие мы усматриваем в части форм множественного числа ā-основ.

Вторичный акут по синкопе, разобранный В. Смочинским, совершенно регулярно возникает на получающихся таким образом дифтонгах. Как мы уже говорили, сам В. Смочинский считает его результатом заместительного удлинения (см. разд. 4), так что, например, формы *tāmista > tāmista (без синкопы) и tāmsta (с синкопой и вторичным акутом) различаются, по нему, именно долготой. Как нам кажется, такое толкование небезупречно, т. к. дело скорее в сохранении или перераспределении вершин при выборе ударной моры в новозакрытом слоге, причём не только в новых дифтонгах (ср. *tā|mi|sta > tām|sta), но и в долгих монофтонгах (как, например, в рассмотренных выше формах на -ō|spi (или -ōs|pi?) > -ōsp, где возникает новозакрытый слог).

Пример В. Смочинского skēpeta 'платок' > диал. skēpta (показывающий, по его мысли, отсутствие изменения перед шумным), тождествен подобным случаям в конце слова (тоже со сдвигом слоговой границы), ср. akipi > akip, но дело не в том, шумный ли или сонант закрывает новозакрытый слог, ср. dat.pl. *akimus > akims, где первая часть нового дифтонга кратка. Это, по-видимому, значит, что речь вообще не идёт об удлинении. Эффект перехода (двухморного) циркумфлекса в акут (а не удлинение!) имеет место (тривиально) только при наличии более одной моры в получившемся закрытом слоге, т. е. дело не в заместительном продлении одной из мор, а именно в перераспределении вершин, причём не только при возникновении новых дифтонгов, но и в долгих монофтонгах перед шумными (как мы попытались показать). Примеры Смочинского на мену интонации в дифтонге перед шумным (ср. jēib < jēibi 'если бы' и др.), кажется, поддерживают этот тезис: в них циркумфлекс в открытом слоге переходит в акут при его закрытии (но речь не об удлинении).⁶⁵

Итак, как мы попытались показать, там, где, как считалось, не действует закон де Соссюра, на самом деле он и не ожидается. В этих случаях, если первоначальная интонация следующего за корнем слога — рецессивный акут, причём сам он стоял перед доминантным слогом, то акут в нём регулярно заменяется циркумфлексом под действием метатонии, а затем «обратно» переходит в акут вследствие апокопы (и затем, в ряде случаев, а именно — при полной редукции послелога, опять становится циркумфлексом).

⁶⁵ Что касается отсутствия акута в aĩtras < aĩtaras (Smoczyński 2003: 154 сл.), то это совсем другой случай: здесь структура первого слога не меняется — как в aĩ|tras, так и в aĩ|ta|ras он состоит лишь из дифтонга aĩ-.

ЛИТЕРАТУРА

- Дыбо 1977 — В. А. Дыбо. Работы Ф. де Соссюра по балтийской акцентологии // Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977.
- Дыбо 1981 — В. А. Дыбо. Славянская акцентология. М., 1981.
- Дыбо 2000a — В. А. Дыбо. Морфонологизованные парадигматические акцентные системы: Типология и генезис. Т. 1. М., 2000.
- Дыбо 2000b — В. А. Дыбо. Из балто-славянской акцентологии. Проблема закона Фортунатова и поправка к закону Ф. де Соссюра // Балто-славянские исследования. 1998–1999. XIV. М., 2000.
- Дыбо 2006[b] — В. А. Дыбо. Порождение акцентных типов производных имен в балтийском // Балто-славянские исследования—XVII. М., 2006.
- Дыбо 2014[b] — В. А. Дыбо. Балто-славянская акцентная система и итоги индоевропейской акцентологической реконструкции // IWoVA VIII. Реферати VIII међународног скупа о балтословенској акцентологији (Славистички зборник. Нова серија, књига I). Нови Сад, 2014.
- Дыбо, Замятина, Николаев 1993 — В. А. Дыбо, Г. И. Замятина, С. Л. Николаев. Основы славянской акцентологии. Словарь. Непроизводные основы мужского рода. Вып. 1. М., 1993.
- Зализняк 2019 — А. А. Зализняк. Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь. 2-е изд., расширенное и переработанное. М., 2019.
- Николаев 1989 — С. Л. Николаев. Балто-славянская акцентуация и ее индоевропейские истоки // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М., 1989.
- Николаев 2014 — С. Л. Николаев. К реконструкции акцентных классов балто-славянских глаголов // Балто-славянские исследования—XIX. М.—СПб., 2014.
- Николаев 2019 — С. Л. Николаев. К реконструкции акцентных классов балто-славянских глаголов. II. Акцентуация отглагольных производных с суффиксами *-tlo- (*-dhlo-), *-to-, *-sto- и *-tā- // Балто-славянские исследования—XX. М., 2019. (Наст. изд.)
- Ослон 2011 — М. В. Ослон. Распределение дифтонгов *ei~ie* в литовском языке // Baltistica. 2011. VII priedas. Proceedings of the 6th International Workshop on Balto-Slavic Accentology / red. V. Rinkevičius. Vilnius, 2011.
- Сержант 2004 — И. А. Сержант. К вопросу об образовании адессива // Acta Linguistica Lithuanica. 2004. LI.
- Скляренко 1998 — В. Г. Скляренко. Праслов'янська акцентологія. Київ, 1998.
- де Соссюр 1977 — Ф. де Соссюр. Литовская акцентуация / Перевод Е. Е. Корди // Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977 [Оригинал: *F. de Saussure. Accentuation lithuanienne // Indogermanische Forschungen. 1896. VI. Bd., 1. u. 2. Heft, Anzeiger; cp. de Saussure 1922*].
- Ханина 2011 — Е. К. Ханина. Система локативных падежей в истории литовского языка // Acta Linguistica Petropolitana. 2011. Т. 7. Ч. 3.

- Babik 2012 — *Z. Babik*. Korespondencje akcentowe między słowiańskimi i starszymi językami indoeuropejskimi (pierwotne neutra tematyczne): Przyczynki do krytyki akcentologii post-Illicz-Swityczowskiej. Kraków, 2012.
- Daugaviete 2011 — *A. Daugaviete*. New prosodic oppositions in Lithuanian and Latvian dialects // Elena Stadnik-Holzer (Hrsg.). Baltische und slavische Prosodie. International Workshop on Balto-Slavic accentology IV (Scheibbs, 2.–4. Juli 2008). Scheibbs Internationale Sprachhistorische Tage I. Frankfurt am Main, 2011.
- DLKG — V. Ambrazas, K. Garšva, A. Girdenis, E. Jakatienė. P. Kniūkšta, S. Krinickaitė, V. Labutis. A. Laigonaitė, E. Oginskienė, J. Pikčilingis, A. Ružė, N. Sližienė, K. Ulvydas, V. Urbutis, A. Valeckienė. E. Valiulytė. Dabartinės lietuvių kalbos gramatika. Vilnius, 1994.
- DP — Daukšos postilė, fotografuotinis leidimas. Kaunas, 1926. Он-лайн версия Постиллы: <http://www.epaveldas.lt/vbspi/biRecord.do?biRecordId=23538>.
- Каповић 2017 — *M. Kapović*. Notes on the Historical Accentuation of the Čakavian Dialect of Blato on Korčula: Acute Posttonic Length, Slavic *ā*-stem locative plural and other issues // Definitely Perfect. Festschrift for Janneke Kalsbeek / R. Genis; E. de Haard; R. Lučić (eds.). Amsterdam, 2017.
- Kortlandt 1975 — *F. Kortlandt*. Slavic accentuation: A study in relative chronology. Lisse, 1975.
- Kortlandt 1993 — *F. Kortlandt*. Tokie šalti rytai // Baltistica. Vilnius. 1993. T. XXVIII. № 1.
- Kurschat 1876 — *F. Kurschat*. Grammatik der littauischen Sprache. Halle, 1876.
- Kurschat 1883 — *F. Kurschat*. Wörterbuch der littauischen Sprache. Zweiter Theil: Littauisch-deutsches Wörterbuch. Halle a. S., 1883.
- Kuršaitis I–IV — *A. Kuršaitis*. Lietuviškas-vokiškas žodynas. T. I–IV. Göttingen, 1968–1973.
- LD — *Z. Zinkevičius*. Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966.
- Leskien 1919 — *A. Leskien*. Litauisches Lesebuch mit Grammatik und Wörterbuch. Heidelberg, 1919.
- LKIG I–II — *Z. Zinkevičius*. Lietuvių kalbos istorinė gramatika. T. I–II, Vilnius, 1980–1981.
- LKI I–VII — *Z. Zinkevičius*. Lietuvių kalbos istorija. T. I–VII. Vilnius, 1984–1995.
- LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas. I–XX. Vilnius, 1941–2002. [Сетевая версия: <http://lkz.lt>.]
- Mikulėnienė et al. I–II — *D. Mikulėnienė, L. Grumadienė, K. Morkūnas, A. Vidugiris*. Dieveniškių šnektos žodynas. T. I–II. Vilnius, 2005.
- Olander 2009 — *Th. Olander*. Balto-Slavic Accentual Mobility. Berlin–New York, 2009.
- Otrębski 1934 — *J. Otrębski*. Wschodniolitewskie narzeczce twereckie. Część I–V. Kraków, 1934.
- Otrębski I–III — *J. Otrębski*. Gramatyka języka litewskiego. T. I–III. Warszawa, 1956–1965.

- Rinkevičius 2015 — *V. Rinkevičius*. Baltų ir slavų kalbų kirčiavimo istorija. 1. Vilnius, 2015.
- Rinkevičius 2018 — *V. Rinkevičius*. Latvių kalbos vardažodžių priesagų prie-gaidžių kilmė // *Baltistica*. Vilnius. 2018. T. LIII. № 2.
- Rosinas 1999 — *A. Rosinas*. Inesyvo ir adesyvo formų kilmės ir raidos klausimu // *Baltistica*. Vilnius. 1999. T. XXXIV. № 2.
- Ruhig 1747 — *Ph. Ruhig*. Littauisch-Deutsches und Deutsch-Littauisches Lexicon, <...>. Königsberg, 1747.
- de Saussure 1922 — *F. de Saussure*. Accentuation lithuanienne // *Recueil des publications scientifiques de Ferdinand de Saussure*. Genève, 1922. [Ср. де Соссюр 1977.]
- Senn 1939 — *A. Senn*. The accentuation of Lithuanian *-ybe* // *Language*. 1939. 15 (3).
- Seržant 2004 — *I. Seržant*. Zur Vorgeschichte des Inessivs im Urostbaltischen // *Acta Linguistica Lithuanica*. 2004. L.
- Seržants 2004 — *I. Seržants*. Einige Bemerkungen zur Geschichte des Illativs // *Baltu Filologija*. 2004. XIII (1).
- Smoczyński 2003 — *W. Smoczyński*. Zu den litauischen mit der Binnensilbensynkope zusammenhängenden akutierten Wortformen // *Studia bałto-słowiańskie*. Baltisch-slavische Studien. Kraków, 2003. II (= *Linguistica Baltica*. 2001. 9).
- Smoczyński 2007 — *W. Smoczyński*. Słownik etymologiczny języka litewskiego. Wilno, 2007. [Сетевая версия (расширенная): [http://roman.es.org/pub/alii/Smoczyński W. Słownik etymologiczny języka litewskiego.pdf](http://roman.es.org/pub/alii/Smoczyński%20W.%20Słownik%20etymologiczny%20języka%20litewskiego.pdf)]
- Stang 1957 — *Chr. Sch. Stang*. Slavonic accentuation. Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo. I. Hist.-Fil. Klasse. 1957. No. 3.
- Stang 1966 — *Chr. S. Stang*. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo – Bergen – Tromsø, 1966.
- Stundžia 2014 — *B. Stundžia*. Bendrinės lietuvių kalbos akcentologija. Vilnius, 2014.
- Vermeer 2009 — *W. R. Vermeer*. Critical observations on the *modus operandi* of the Moscow Accentological School // *W. Lehfeldt*. Einführung in die morphologische Konzeption der slavischen Akzentologie. 3., verbesserte und ergänzte Auflage. Mit einem Appendix von Willem Vermeer. München, 2009.
- Vidugiris 1998 — *A. Vidugiris*. Zietelos šnektos žodynas. Vilnius, 1998.
- Vidugiris 2004 — *A. Vidugiris*. Zietelos lietuvių šnektą. Vilnius, 2004.
- Vidugiris 2014 — *A. Vidugiris*. Lazūnų šnektą. Vilnius, 2014.
- Zinkevičius 1975 — *Z. Zinkevičius*. Iš lietuvių istorinės akcentologijos. 1605 m. katekizmo kirčiavimas. Vilnius, 1975.
- Zinkevičius 1982 — *Z. Zinkevičius*. Lietuvių kalbos postpoziciniai vietininkai // *Baltistica*. Vilnius. 1982. T. XVIII. № 1.
- Žilinskaitė 2010 — *E. Žilinskaitė*. Vietos raiška Mikalojaus Daukšos Postilėje postpoziciniai vietininkai ir jų funkciniai ekvivalentai (dis.). Vilnius, 2010.